

Д Р Е В Н Я Я
РЕЛИГІЯ
С Л А В Я Н Ъ.

Сочиненіе Григорія Глинки,

Профессора Дерпшскаго Университета.

Митава, 1804.

Въ Типографіи у П. Ф. Шнефенгагена и Сына.

BIBLIOTH.
ACADEM.
DORPAT.

4-xvii 6/1
artu Riikliku Ajakirja
Raamatukogu
6783

ЕГО
ИМПЕРАТОРСКОМУ
ВЕЛИЧЕСТВУ
ВСЕАВГУСТЫЙШЕМУ ГОСУДАРЮ
ИМПЕРАТОРУ
АЛЕКСАНДРУ
ПАВЛОВИЧУ,
САМОДЕРЖЦУ
ВСЕРОССИЙСКОМУ,

съ благоговѣніемъ посвящаетъ

А в ш о р ъ.

ВВЕДЕНІЕ.

Не сколько недоспапокъ въ запискахъ, относящихся до древняго Славянскаго баснословія, сколько нестараніе о развитіи находящихя о семъ предметѣ сухихъ сказаній, пому причиною, что мы не имѣемъ до сего времени систематическаго описанія сихъ боговъ. Бывшіе вскорѣ по просвѣщеніи Христіанствомъ Славянскихъ племенъ писатели имѣли причину мало упоминашь или и совсѣмъ умалчивашь о идолослуженіи, тогда

еще не вове изшребившемся, и можешъ бышь многими уважаемомъ какъ вѣру ихъ спсудѣ. Но намъ баснословное вѣроученіе розыскивашъ, развивашъ, и сколько што можно полнѣе предспавишь нѣнѣ опасноснп: ибо сіе повѣспованіе для насъ не иное что какъ пища любопытсншва; и естѣи что либо сего важнѣйшее изъ онаго можемъ почерпнуть, шо изъ созданія чловѣкомъ себѣ боговъ, еспешвенно по своему образу, шо естѣ, по своему народному свойспву, нравамъ, образу жизни, спсспени просвѣщенія, и даже дѣяшельноснп фанпазіи, сел первой произвешпшельницы всѣхъ всякомъ родѣ вымысловъ, лучше можемъ узнать умное и правспвенное обличіе нашихъ родоначалъниковъ. Изображенія, дѣла, самыя даже названія боговъ извѣспнаго народа, сушь сколожъ свойствъ онаго. У Индѣйцовъ, народа кропкаго,

боги кропки и добры; злые же лишены власпи, по крайней мѣрѣ не иначе распрспраняюшъ ее, какъ украдкою ошъ надзирающихъ надъ ними добрыхъ боговъ. Шаспливое Ахайское небосклоніе, веселоснъ нравовъ жпшелей, живое воображеніе, лицеобразовало *) боговъ и съ ними соединенныя ихъ дѣянія, забавными, пріятными, а можно думашъ, и во времена идолопоклонсншва Грековъ, за пріятныя и часно полезныя сказки почитаемыми. Барварсншво, царспвовавшее въ Тавридѣ, вознесло на спсспень богини Діану, (можешъ бышь пакъ названное Греками божесншво, и

*) Я не безизвѣспенъ, что Греческіе боги начально сушь Финикійскіе, введенные въ Грецію торговыми сего народа переселенцами; но баснословная Греческой вѣры система совсѣмъ на свой вкусъ передѣлана, какъ шо и съ Исторіями взятыми отъ другихъ народовъ они поступали.

иначе тамъ именовавшееся) пребующую крови спранниковъ. — Разнообразно для каждой на земномъ шарѣ спраны ошверастыя ешпешвенныя небеса, различныя воздушныя явленія, раствореніе воздуха, ошгъ него производящее плодородіе земли, какъ въ количествѣ шакъ и въ качествѣ произведений, самый земледогъ и шѣхъ спранъ, присовокупленные къ свойству народа, способствовавали къ соображенію сихъ мечпашельныхъ существъ. Почему разсмашривая разсудительнымъ образомъ баснобожіе древнихъ Славянъ, уповашельно, что ошкроемъ иѣсколько завѣсы древности, скрывающей ошгъ нашъ свойство ихъ умоначерпаній объ окружающихъ ихъ вещахъ, дальность познаній, нравы, и хотя иѣсколько, самый образъ ихъ мыслей.

Описывая произведеніе фанпазіи или мечпашельности, я думаю, что не

погрѣшу, ешпели при встрѣчающихся пусиношахъ и недоспашикахъ въ ея произведеніяхъ, буду наполняясь собственною подѣ древнюю спашъ фантазією. Правда, спершіяся или слинялыя мѣста въ древнихъ карпинахъ, подправленные новыми красками, хошя и на старинную спашъ, уменьшающъ цѣну карпинъ; но лучше ли ничто, нежели что либо? И не лучше ли Фидіасова Венера съ поддѣланными во вкусъ сего знаменитого древняго мастера руками и ногами, нежели когдабъ ошпалось одно шолько ея шуловище, и шпо можешъ бышь мѣстами еще выбитое? — — Извѣстно, что изправки или коррекціи древнихъ Греческихъ и Латинскихъ писателей ихъ учинили лучшими; но всѣ ли изправки здѣланы въ попадѣ на Авшорово слово или мысль? и можешъ бышь иные не здѣлали ли подѣ видомъ изправокъ ру-

копии, исправленнымъ самаго автора въ словахъ и мысляхъ, за что бы онъ и самъ въ состоянїи нашелся поблагодарить. — Я переселяюся въ пространныя разнообразныя области фантазїи древнихъ Славянъ; бродя по нимъ, спану собираю всецѣлыя мечтательныя идеи и малыя ихъ частицы, и сїи послѣднїя сообразуюсь ихъ усироенїю, дополняю матеріалами сего же царства и по законамъ воображенїя или мечтанїя.

Хотя же происхожденїе боговъ или теогонїя Славянская для насъ не сохранилась; чему въ свое время конечно бытъ надлежало; однакоже изъ свойствъ боговъ, или лучше, естественныхъ вещей, ихъ дѣяній и явленїй можемъ заключить и о мечтаемомъ оныхъ происхожденїи. *Едда* нѣсколько ясно повѣствуетъ о чинѣ, порядкѣ и происхожденїи Цельсийскихъ боговъ;

изъ Греческой теогонїи родословная оныхъ для всякаго свѣдомѣе, нежели Нѣмецкому молодому барону его собственная. Славяне жили въ ссѣдствїи съ шѣми и другими, и спанешся, въ своихъ мечтанїяхъ подражали и шѣмъ и другимъ, а можетъ бытъ и подлинниками въ иномъ обоемъ были. И такъ я слѣдуя какъ Греческимъ раздѣлишелямъ боговъ, такъ особенно вникая собственно въ Славянское баснобожїе, и почти изгладившихся касательно сего чертъ доискываясь, раздѣлю изъ самаго свойства сихъ боговъ на высреннихъ, прензподнихъ, земныхъ и водныхъ.

I. И такъ въ число превысреннихъ боговъ поспавляю обоженные существа въѣ земли находящїяся, а на оную только показывающїя свои дѣйствїя, оцущительныя челоуку. И шаковыя боги будущъ:

Перунъ, движеніе эфира, громъ.
Златая Баба, пищина, покой.
Свѣшвидъ, солнце, жизненная теплоша.

Зничъ, начальный огонь, эфиръ.

Бѣлбогъ, благо и доброе начало.

Сильный богъ, крѣпкій богъ.

Дажбогъ, благополучіе.

Животъ, сохраненіе жизни.

Ледъ, война.

Коляда, миръ.

Усладъ, удовольствіе.

Лада, красота.

Дѣщи ея:

Леля, любовь.

Полеля, бракъ.

Дидъ, супружество.

Дидилля, дѣшпорожденіе.

Мерцана, заря, богиня жапвы.

II. Земные шѣ, коихъ свойства ошвлечены ошъ земныхъ полезныхъ произведеній, для жизненныхъ чело-

вѣка пошребъ, или шокмо къ удовольствіямъ оныя служащихъ, и конюрыхъ они кажутся были покровишелями.

Тригла, земля.

Волось, } боги покровишельшву-
Могошь, } ющие скопъ.

Кулало, земные плоды.

Родошмель, подапель благихъ со-
 вѣшновъ.

Съва, богиня плодовъ.

Зевана, богиня звѣроловшва.

Чуръ, богъ межей.

Проне, или *Прове*, богъ прорѣканія.

Родегастъ, богъ шраннопримшва
 и городовъ.

Корсъ, богъ пьяншва.

Ясса.

Позвиздъ, богъ буръ и вѣшровъ.

Догода, зефиръ.

Зилшера или *Зилшера*, весна.

Зилшера, зима.

III. Преизподніе боги, кои изображаютьъ собою мѣсь и казнь послѣдующую за беззаконіемъ и порокомъ:

Ии, владычествующій надъ преизподними спранами.

Чернобогъ, богъ опмщенія.

Стрибогъ, изшребилель.

Яга баба.

Кикимора, богъ сна.

IV. Водные, кои хъ власть проспирася надъ водами; оные сущь:

Царь Морской.

Чудо Морское.

Русалки.

Водовики, водяные черши.

Духи:

Льшіе.

Домовые.

Стѣни.

Лизуны.

Куды.

Черши.

Бьсы.

Полубоги или богашыри:

Полканы.

Волошы.

Славянь.

Волхвъ.

Волховець.

Рудотокъ.

Озера обоженные:

Ильмерь.

Студенець.

рѣки:

Бугъ.

Донъ.

Впрочемъ къ чистотѣ разсудка Славянскаго народа можеть опшеспись шо, что ихъ вѣра, изъ многихъ

языческихъ, (не говорю всѣхъ) естъ
чистѣйшая. Ибо ихъ боги сушь естес-
швенныя дѣйствія, благошвореніемъ
своимъ имѣющія на человека вліяніе,
и служація къ спрашу и казни безза-
конія, равномѣрно какъ природныя
свойства и совершенства обоженныхъ.

Сіе проникнувъ шворецъ Владими-
рѣяды, такъ говоритъ въ оной:

Въ чемъ Сѣверъ признавалъ священные
божества;

То были дѣйствія и свойства, Есте-
ства;

Людскія слабости, сердецъ слѣпыя
страсти.

И еще можно бы къ сему было при-
бавить добрыя и благошворныя дѣя-
нія.

Во всемъ ихъ баснобожіи, нѣтъ ни
одного бога, котораго бы можно было
счестъ обоженнымъ человекомъ, какъ
шо мы находимъ у Грековъ, (я не го-

ворю о Римлянахъ, все опъ сихъ за-
нявшихъ), и образцовъ ихъ Финики-
анъ, Египтянъ и Ассиріянъ. А сіе
должно приписать естесшвенному
свѣшу ихъ ума, что смершныне не мо-
гутъ быть безсмершны. Положеніе
просшое, но, мнишя, жудо вырази-
ленное народами хваляцимися своимъ
просвѣщеніемъ, и нашими во многомъ
учишелями. — Впрочемъ, кажется,
не неизвѣстно было Всевышнее Суще-
ство Славянамъ, Существо всемогу-
щее, всешворшое, и словомъ, Богъ
боговъ — и Оному-шо собшвенное
наименованіе было, *Богъ*. Проче же
боги были ему какъ бы подчиненные,
или больше, лицеобразованныя свой-
ства природы. Богъ, яко подашель
свѣшна, шеплошты, плодородія земли и
оживишель природы, названъ *Свѣшо-
видомъ*; а отвлеченно оный же будешъ
богъ просвѣщенія и свѣшна ума. Богъ

причиняющей громъ, молнію, нарѣченъ *Перуномъ*; онъ же въ опвлеченности, естъ богъ устрашающей яростию эврино-огненныхъ ударовъ, беззаконниковъ. *Вѣль-богъ*, или добрый богъ, естъ податель всякихъ благъ. *Крѣлхій-богъ*, одно изъ свойствъ Вышняго, божество подлинно нравственное. Но все сіе изъ описанія въ особенності. Каждаго бога будещъ видно съ очевидною ясностию. Упомяну только нѣчто о богинѣ *Лада*, и ея дѣтяхъ. Ничего нѣтъ, кажется, осироумѣе, какъ чшобы красна, Лада была матерію чешырехъ чадъ своихъ; число ихъ полно; прибавить нечего, но убавленіе несовершенно. У красны, *Лады*, первый сынъ *Леля*, шо естъ любовь: за *Лелею* слѣдуешь вторый, *Помеля*, или бракъ; что нравственнѣе, какъ любви бышь окончиваемой бракомъ; но сего еще не довольно; слѣдуешь сынъ, богъ

супружней жизни, и оный естъ *Дидо*, коего супруга *Дидилія*, богиня дѣшорожденія, покровительствуетъ сію нескверную жизнь. Нѣтъ ничего прекраснѣе сего семейства; пошому что нѣтъ ничего вообще одобреннѣе, и оно естъ самая истинна, въ разныхъ лицахъ представленная. — Вотъ картина, показывающая что Славянское баснобожіе было разсудительное, боги же ихъ изъ опвлеченныхъ понятій были лицеобразованы, и приномъ чшшо осироумно, и всегда вѣрно. ЕСТЬЛИ опнимемъ мы баснословныя названія, шо нынѣи мы не иначе мыслимъ какъ и предки наши; кажется даже что сей способъ мыслишь всѣмъ просвѣщеннымъ народамъ общій. Красна, любовь, бракъ, замужество, дѣшорожденіе суть у всѣхъ челоувковъ понятія и дѣйствія сдѣляющіяся. Солнце благошворитъ земной природѣ;

громъ наводитъ страхъ; злая Природа, общая людей мать; благосъ, крѣпосъ, подающа благъ, живородящельство, свыше произтекающа, суть идеи древнихъ, на коихъ они создали храмъ своего многобожя.

БОГИ ВЫСПРЕННИЕ.

Перунъ.

Грозное Славянское божество. Онъ почитался произвешителемъ всѣхъ воздушныхъ явленій. Рука его управляла громомъ и молніями. Кажешъ, что Славянскому Перуну столько же прилично, какъ и Гомерову Зевсу, приложеніе *погонятеля облаковъ*. Сіе божество особенно было почитаемо въ Кіевѣ и Новѣгородѣ. Въ первомъ, храмъ его сооруженъ былъ на холмѣ надъ

Боричевымъ попокомъ. Г. Херасковъ
въ Владимирѣадѣ такъ описываетъ
сей храмъ:

Сей храмъ, ужасный храмъ, надъ Бо-
ричевымъ покомъ
Стоялъ сооруженъ на холмѣ превысо-
комъ;
Куреній возходилъ передъ кумиромъ
дымъ;
Запекшаяся кровь видна была предъ
нимъ.

И онъ же и въ другомъ мѣстѣ:

Созиденъ высоко Перуновъ гордый
храмъ;
Онъ тѣни разпростеръ далеко по го-
рамъ.
Предъ нимъ всегда горитъ неугасимый
пламень;
При входѣ утверженъ краугольный
камень,
И камень гибели народомъ нарѣченъ;
Онъ черной кровью казался опоченъ;

На немъ несчастная та жертва пре-
петала,

Свирѣпости жрецовъ кошора питала;
Тамъ смертоносныя оружія висятъ;
Сосуды кровью наполнены сияютъ.

Владимиръ по принятіи надъ Рос-
стей самодержавія, въ честь сему бо-
жеству соорудилъ многие храмы. Спо-
явшій же надъ Боричевскимъ попо-
комъ, можетъ быть имъ только воз-
обновленъ и украшенъ, будучи по-
спроенъ еще изъ самыхъ древнихъ
временъ. Самое наименование сего
ручья не произошло ли отъ опшечскаго
имени Перуна? — Первоселенцы Кіев-
скіе будучи Сарматскаго произхожде-
нія, и пришедши шуда, въроизно,
отъ Скандинавскаго полуострова, при-
несли съ собою Цельсійскихъ боговъ.
Боричемъ можетъ быть назывался
Перунъ, какъ и Одинъ, сынъ Вора,
отъ чего и холмъ и попокъ или ручей

названы Боричевыми; ибо Боръ былъ отецъ боговъ, или лучше отецъ Одина, владыки Скандинавскихъ боговъ. Самые Цельсийскіе жрецы утверждали, что они производящъ отъ сего Бора.

Перунъ, въ настоящемъ значеніи сего слова, берется за громовую стрѣлу, или естественнѣе, за молнію, за электрическую струю, или за громовую искру. Но вѣроятно же кажется, нарицательное слово получило начало свое отъ собщвеннаго наименованія бога грома. Перунъ кажется производящъ отъ слова *Торымъ* или *Торумъ*, которое на Сарматскомъ языкѣ значащъ всевышнее существо, богъ. Испуканъ сего божества былъ здѣланъ не изъ одного вещества. Спанъ былъ вырѣзанъ изъ дерева; голова вылита изъ серебра; а уши и усы изваяны изъ золота; ноги же выкованы изъ желѣза; въ рукѣ

держалъ нѣчто похожее на молнію, которую предспавляли вмѣстѣ соспавленные рубины и карбункулы. Предъ нимъ горѣлъ неугасимый пламень, за небреженіе коего жрецъ наказывался смертію, состоящею въ сожженіи его какъ врага божества сего.

Въ Владимирѣдѣ онъ описанъ нѣсколько опличиве отъ сего; однакожъ совершенно соотвѣтственно споль высокочпимому божеству.

Сей мрачный храмъ вмѣщалъ ужаснаго кумира,

На немъ златый венецъ, багровая порфира;

Извитые въ рукѣ перуны онъ держалъ,
Которыми разитъ во гнѣвѣ угрожалъ.

Златые на челѣ имѣлъ велики роги,
Серебряную грудь имѣлъ, желѣзны ноги;
Горѣлъ рубинами его высокой прорѣ;

И богомъ всѣхъ боговъ именовался онъ.

Изъ сего описанія явствуетъ, что онъ былъ ужасное громомещущее божество: а попому въ смыслъ нравственномъ беззаконныхъ казнишель и изпробишель. Онъ также почитался владыкою между богами, и крѣпкимъ; словомъ, произвешиселемъ всего ужаснаго въ природѣ для человека.

Проспиранный шаръ земный лица его
трепететь,

Разитъ перунами, онъ молніями блещетъ;

Убийство на челѣ, смерть носитъ на
очахъ;

Его вѣнецъ змій, его одежда-спрахъ.

Владим.

А попому и жертвы были сообразны съ воображаемыми свойствами царя боговъ. Въ честь ему закалали не шокмо скоповъ, но и плѣнниковъ; а

неисповое суевѣшество обограло руки даже въ крови собственныхъ своихъ дѣшей. Суевѣрїе же, по глупости почитаемую существенною часнїю самого себя ему жертвовало, ш. е. бородою и головными волосами, обривая ихъ.

Изъ посвященныхъ ему вещей, были цѣлые лѣса и роци, изъ коихъ взяше всякаго сучка почиталось достойнымъ смерти святошашествомъ.

Изключая многихъ спиранъ и городовъ, въ коихъ были сему богу посвящены божницы, великолѣпнѣйшая была въ Кіевѣ надъ Боричевымъ пошкомъ, княземъ Владимиромъ воздвигнутая, или лучше, украшенная. Другая не меньше великолѣпная была въ Новѣгородѣ, копорая сооружена дядею его Добрынею, пожалованнымъ имъ въ Новгородъ Посадникомъ или Намѣшникомъ. Обѣ онѣ получили свой ко-

нець по просѣщеніи Россіи Христіан-
ствомъ, равно какъ и кумиры Перу-
новы, и свержены Кіевской въ Днепрѣ,
а Новгородской въ Волховѣ.

Здѣсь приложу я къшаши опрывокъ
древняго или на древнюю спашь сочи-
неннаго Гимна:

Боги велики; но страшень Перунъ;
Ужасъ наводитъ тяжела спопа,
Какъ онъ въ предшеснвіи молній своихъ
Мракомъ одеянь, вихрьми повисѣ,
Грозныя тучи ведетъ за собой.
Спустилѣ на облакъ — огни изъ подѣ
пятѣ;
Ризой махнешъ — побагровѣнѣ швердъ;
Взглянешъ на землю — вспрещешѣ
земля;
Взглянешъ на море — копломъ закитяшъ.
Клонятся горы былинкой предъ нимъ.
Спрашне! свой гнѣвъ ты опъ насъ оп-
врати!
Бросивъ горсть граду во тысячу мѣрѣ;
Только спутилѣ, ужъ за тысячу вершѣ;

Лишь опъ пятш его облакъ зардѣлѣ;
Тяжка спопа гуль глухой издала,
Кой горы, море и землю пошрясѣ,
И лишь сверкнуло востреѣ ризѣ. —

З л а ш а я М а ш ь .

Какъ Перунъ былъ богъ гнѣвной, пакъ
противно оному Злашая Машъ, или
иначе, Баба была богинею пишины и
покоя. Ишуканъ ея былъ здѣланъ изъ
золоша въ видѣ женщины; а опъ сего
и наименованіе свое получила, равно-
мѣрно какъ и опъ свойсшва приписы-
ваемаго ей. На рукахъ она держала
младенца, кошорой почитался ея вну-
комъ, и опъ коего названа Бабою, ш. е.
Бабушкой. Сей внукъ былъ Сѣѣшовидъ.
Во кругъ ишукана находилось великое

множесиво музыкальныхъ орудій, на коихъ во время ея празднества были ей воспѣваемы хвалы. Храмъ же ея славнѣйшій былъ сооруженъ при рѣкѣ Обиге или Обегѣ. Здѣсь она давала ошѣпты; а пошому храмъ сей почищался прорицалищнымъ, и былъ въ великой славѣ. Она споль была свяно чпима, что мимо ея испукана никшо не смѣлъ пройти, не принесши чего либо на жершву, и еспыли ничего не имѣлъ, шо по малой мѣрѣ клочокъ ошѣ своего плашья съ земнымъ поклоненіемъ подносилъ. Сія богиня кажешся была поже, что Цельшійская Фригга или Фрея, кошорой одной приписываешся пророчесиво: „Единая Фригга вѣснѣ „будущая, но никому сего не опкры- „ваешъ,“ слова Одина, приведенныя въ Еддѣ.

Свѣшвидѣ.

Божесиво бывшее у Славянъ въ великомъ почипаніи. Онъ имѣлъ на Сѣверѣ два славные храма: одинъ на оспровѣ Ругенѣ въ городѣ Ахронѣ *), а другой въ Холмоградѣ, кошорой полагаешся на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ село Бронницы, на находящемся близъ онаго холмѣ, на коемъ шеперь построена церковь С. Николая.

Испуканъ его былъ здѣланъ изъ дера величины огромной. Онъ имѣлъ чешыре лица, на каждую спрану свѣша по одному. Бороды не имѣлъ; кудри у него были завипыя; одежда на немъ была коропкая. Въ лѣвой у него рукѣ былъ лукъ, а въ правой рогъ выкованной изъ мешалла. При бедрѣ имѣлъ

*) Яспвенно что Ругенъ, Ружный былъ прежде названъ; а городъ Ахронъ, Ухронъ произошелъ ошѣ слова хранишь.

превеликой въ серебряныхъ ножахъ мечь; въ споронѣ висѣли сѣдло и узда коня его, такъ же непомерной величины. Сей испуканъ споялъ по среди храма, завѣщенный великолѣпными краснаго цвѣта занавѣсками. Онъ давалъ ошѣбны чрезъ уша жреца надежды въ годъ. Въ то время сей главный жрецъ входилъ въ святилище сего бога, удерживая свое дыханіе, и при надобности въ ономъ или выходилъ вонъ, или выспавлялъ поелко изъ святилища голову. Сей единогодний праздникъ опправлялся съ продолжительными шоржешпвенными обрядами. Оный начинался по окончаніи жашвы, что будетъ въ мѣсяцѣ Серленѣ или Августѣ. И тогда народъ собираясь передъ капище, пригонялъ множество скота, какъ въ жершву своему богу, такъ и для празднованія сего знаменишаго ихъ праздника. За сушки

до шоржешпвеннаго дня самъ начальствующій жрецъ вымешалъ храмъ сего бога. На слѣдующій день жрецъ бралъ изъ руки Свѣшовидовой рогъ за годъ наполненный виномъ, предсказывалъ о плодородіи слѣдующаго пошому, сколько въ немъ убыло; ибо вѣрили, что ешъли много изъ рога убыло, то годъ будетъ безплоденъ; ешъли же мало, то ему надлежало бытъ плодородну. И сіе вино выливши предъ спонами Свѣшовида, наполнялъ рогъ сей новымъ, и выпивалъ въ честь онаго, моля, чипобы дарвалъ во всемъ изобиліе, богашство и побѣду на враговъ. Пошомъ наполнивъ сей священный рогъ новымъ виномъ, влагалъ въ его руку, моляся купно созсѣмъ народомъ; послѣ чего приносимы ему были многочисленныя жершвы ошъ воловъ и овецъ. По совершеніи сихъ жершвъ, вносили огромной величины круглой пирогъ,

здѣланной изъ пряничнаго шѣсна, въ коемъ могъ помѣститься человекъ. Въ сей пирогъ служитель Свѣшвидовъ вошедши спрашивалъ народъ, видяшъ ли его? — люди ошѣвшисшвовали что нѣшъ — тогда обращая къ Свѣшвиду, молилъ его, чтообы на предбудущій годъ хотя нѣсколькo его увидѣли. Здѣсь, кажешся, жрецъ спрятавшисъ въ пирогъ, представлялъ солнце въ удаленіи ошъ нашего полушарія, или зимнее время; и попомъ молилъ Свѣшвида о его возвращеніи. Послику не шолько имя, но и всѣ признаки являюшъ, что сей богъ былъ изображеніе свѣшила одушевляющаго нашъ міръ. Чешыре лица, есть чешыре години, или времена года. Стрѣлы и лукъ, какъ у Греческаго Феба-Аполлона, значили лучи солнца. Бѣлый конь, ему посвященный, знаменовалъ видимое движеніе сего благошворнаго свѣшила:

рогъ въ рукъ, обиліе повсюду произтекающее ошъ его священной шеплоны; мечъ же означалъ его какъ бога защитника и покровителя Славянъ.

Послѣ сего обряда съ великимъ благоговѣніемъ приносили въ жершву множесливо скоша: и тогда жрецъ здѣлавъ народу просшранное поученіе, поощрялъ оный къ прилѣжному почитанію и жершвованію сему богу: а за сіе обѣщавъ имъ земное плодоносіе, здравіе, побѣду на враговъ на сушѣ и морѣ. Иногда же сему идолу приносили въ жершву лѣвныхъ своихъ непріятелей, какъ богу защитнику своему на браняхъ; сей безчеловѣчной обрядъ ошправлялся такимъ образомъ: невольника (по всему видно, что изъ рашныхъ людей) одевали въ панцырь или во всеоружіе; сажали на осѣдланнаго коня, коего ноги привязывали къ чешыремъ сваямъ, равно и нещасна-

го *) къ лошади, и подложя подѣ оную дровѣ, сожигали ихъ обѣихъ. Жрецы увѣряли народѣ, что шаковая жершва пріятна Свѣшовиду. Кажется, что симъ хотѣли они возбудить въ народѣ вѣщую жестокость къ врагамъ своимъ, въ коей надеялись пользоваться побѣдами его надъ ними, приносившими жрецамъ не малую прибыль; ибо ошѣ всякой военной добычи Свѣшовиду на вѣрно приносилась не больше какъ прешія часпъ. Что самое кажется бышѣ весьма естешвенно, сообра-

*) Лѣтописцы пишуть, что приносили на жершву пѣбныхъ Хришћанѣ; но здѣсь важнѣйшее слово пѣбныхъ; ибо Славяне никогда не помышляли бышѣ врагами какой либо религии; но не разбирая вѣры, съ врагами пошунали иногда жестокосердо. А какъ у нихъ болѣе всего бывали войны съ Греками, кои были Хришћанѣ, и поджавши пѣбу иные прешершћали ошѣ нихъ сіе благочестивое варварство; по лѣтописцамъ и возмечталось, что они жгутъ Хришћанѣ, когда сіи сожигали шолько своихъ враговъ и пришовъ рапныхъ.

жаясь шокмо съ шогдашними обстоятельшвами, гдѣ идолопоклонническіе священники одни имѣли свободный доступъ въ шайншвенное швѣпилище Наукъ, грубое же невѣжештво было общемо долею прешонародія; а по сему влѣяніе первыхъ на сихъ послѣднихъ долженшвовало бышѣ всемогущешвенно, и которое не допускало ихъ проникнушѣ корышполубивые жрецовъ виды. По окончаніи всѣхъ обрядовъ богослуженія и жершвоприношенія, народѣ начиналъ бѣшѣ, пшшѣ и веселишѣся. Сей праздникъ шакъ усердно праздновали, что шотѣ конечно бы вышпершћалъ смѣшніе и даже ругашельштво, кшобы не до пьяна напился.

Свѣшовиду посвященъ былъ бѣлой конь, на коего никшо кромѣ перваго жреца не могъ сѣшѣ. У сего коня, даже до волоса, все было швѣщенно, и

подъ опасностію потерянїя жизни не позволялось ни изъ хвоста ни изъ гривы ни одного выдернуть. Увѣряли, что Свѣшовидъ ѣздилъ на ономъ побѣждашь ихъ непріятелей. А сіе подтверждали иѣмъ, что когда подъ вечеръ коня осматривали вычищеннаго, по ушрѣ находили его запошѣлаго и загрязненнаго; изъ чего заключали, что Свѣшовидъ ѣздилъ на немъ для пораженія ихъ союзниковъ. Смотри же попому, больше или меньше была умучена лошадь Свѣшовидова, шаковому и успѣху брани бытъ думали. Сей конь шакъ же служилъ прицащелемъ, начиналъ ли или неначиналъ, равно ли хорошо или несчастливо будетъ продолженіе войны. Для гаданія ставили предъ храмомъ шесть коней по два въ рядъ и въ извѣстномъ разстояніи. Къ каждымъ двумъ призывали по копыю поперегъ шакъ вы-

соко, какъ шолкъ лошадь можешъ перешагнуть. Прежде нежели лошадь начинали вестти между коней, жрецъ съ извѣстными обрядами молился Свѣшовиду, читая многія нарочно для сего сочиненныя молитвы. Помомъ съ благоговѣйными обрядами бралъ коня за узду и велъ черезъ шри поперечныя конья. Естли лошадь шагала напередъ чрезъ нихъ правою ногою и припомъ чрезъ всѣ шри незапушавшись, то обѣщали себѣ окончаніе войны самое благополучное. Въ противномъ же случаѣ пренешали о всякомъ несчастіи; а смотри по сему оплагали и самую войну.

Храмъ Свѣшовидовъ былъ весьма богатъ; ибо сверхъ разныхъ вкладовъ, получалъ онъ изъ военныхъ добычь шретію часть, и приспа всадниковъ сражаясь собственно ошъ Свѣшовида, полученную добычу всю ему прино-

силѣ. Ругенскаго Свѣтовидова храма и испукана его учаспѣ была та, что Вальдемаръ, Король Дашской, въ 350 году по Р. Х. взявши островъ Ругенъ и городъ Ахронъ, капище раззорилъ и ограбилъ, а испукаиъ ободравши, приказалъ разсѣчь и сожечь. Что касается до Холмоградскаго Свѣтовидова храма, то оный одну учаспѣ имѣлъ съ прочими идольскими капищами, будучи разрушенъ по возпріятіи Россіею святаго крѣщенія.

З н и ч ь .

Подъ симъ божественномъ Славяне разумѣли начальный огонь, или жившворящую шеплошу, способствующую къ произведенію и сохраненію всѣхъ

существъ. Славяне о семъ начальномъ и жизнедашельномъ огнѣ были такихъ же мыслей, какъ Парсы или Геллы о своемъ священномъ огнѣ, полагая его ожившворителемъ всѣхъ живыхъ существъ. И въ самомъ дѣлѣ:

Въ адамантѣ оный блистаетъ,
Въ яхонтѣ же оный зарипѣ;
Оный въ холодномъ лѣдѣ пылаетъ;
Въ темномъ облакѣ гремитъ.
Гордыя главы Сибирскихъ
Вноспитъ кедровъ къ облакамъ;
Въ травкѣ обитаетъ низкихъ;
Красоту даетъ цвѣтамъ.
Крѣпоси, бодрости въ льва влагаетъ;
Въ пира же стремленье, жаръ.
Все родитъ, распилъ, питаетъ,
И всему собой самъ даръ.
Оный душа природы всей;
Оный начало всѣхъ вещей.

Славяне повсюду его видѣли; удивлялись ему; но не будучи Эйлерами, не могли изшолоковать и обяснить

его: могла ли имъ по ихъ прошлѣ и малому просвѣщенію взойти такая тонкая мысль, что эпонъ начальной огонь, начальная шеплоша, естъ даже причина самаго огня, самой шеплоны; это эиръ? но тонкое вещество, по всей природѣ разліянное, образующее адаманиъ и въ немъ находящееся; дающее цвѣтъ розѣ, ростъ кедрю; блистающее въ самомъ льдѣ, и коего слабое въ вещи сопряженіе производилъ шеплошу, а сильное жаръ или разшопляющій оную, или пламенемъ ея пожирающій? — Они подобно другимъ живущимъ въ прошлѣ народамъ здѣлали изъ сего непонятнаго для нихъ существа себѣ божество, наименовавъ его Зничемъ.

Теперь станемъ говорить о семъ начальномъ огнѣ какъ о божествѣ Славянскомъ. Зничъ не имѣлъ ни какого изображенія; но токмо былъ неугаси-

мо горящій огонь, на подобіе Феспина огня въ Римѣ. Храмы, въ коихъ содержался сей священный огонь, находились во многихъ городахъ. Сей неугасимой огонь получалъ себѣ жертвы, кошорыя точно какъ и Сѣшповидовы, состояли изъ части корышей спѣвпріятеля полученныхъ. Ему жертвовали такъ же и плѣнными. А изъ сего заключить можно, что дѣйствию Зничя приписывали военной жаръ и храбрость. Къ оному такъ же прибѣгали находившіеся въ тяжкихъ болѣзняхъ, желая получить облегченіе. Служители Зничя, показывая себя воодушевленными или вдохновенными симъ божествомъ, во имя его немоществующимъ давали опѣшны, содержаще въ себѣ средства къ излѣченію ихъ. Въ заключеніе приложу изъ Владимириады описаніе сего божества:

Тогда отважный Зничъ, блистающе весь
изъ внѣ,

Вѣщалъ: — — — —

Я хижинамъ свѣщу и озаряю проны;
Во мнѣ сіяетъ Фебъ, сынъ древнѣя Ла-
поны.

Во существѣ огня я Россамъ жизнь дарю;
Питаю, грѣю ихъ, ихъ внутренности зрю.

БѢЛБОГЪ.

Самое названіе означаетъ его благимъ.
На другихъ нарѣчійхъ Славянскаго
языка назывался шакъ же *бѣльщій-*
Бугъ, что значилъ одно и тоже самое.

Изображался онъ по крышнымъ кро-
влю, и оббѣвшимъ по оной великимъ
множествомъ мужъ, что кажешся

было знаменіемъ пипашеля пварей; въ
правой рукѣ держалъ кусокъ желѣза *).

Храмъ онъ имѣлъ на островѣ Ру-
генѣ въ городѣ Ахронѣ, гдѣ ему, точ-
но какъ и Свѣшпоиду, воздавалось
почитаніе, особенно же онъ Славянъ
жившихъ при Варяжскомъ (Бальпій-
скомъ) морѣ.

Ему не жертвовали кровію; но въ
честь его онсправлялись пиры, игры и
разныя забавы. Подъ симъ божест-
вомъ наши праотцы разумѣли благо-
дѣянія, низпосылаемыя пварямъ При-

*) Сте священное желѣзо употреблялось въ испы-
таніяхъ шакимъ образомъ. Подозрѣваемому
или обносимому въ чемъ нибудь по разкаленіи
до красна давали сей кусокъ въ руку, прика-
зывая съ нимъ пройти шаговъ десять. И
когда рука оспивалась невредима, то при-
знаванъ былъ правымъ; въ противномъ же
случаѣ обвинялся. Сего рода испытанія про-
должались до времени Царя Іоанна грознаго.
Онѣ были почти всей Европѣ общи, какъ и
полевои бой или законныя поединки. Изъ
сего видно, что сему богу приписывалось
качество правосудія.

родою, сохраняющею ихъ. То правда, что чернь почитала ея ощущаемое, но естъ самый испуканъ; но служители или исполкователи ихъ вѣры конечно разумѣли въ смыслѣ ошвлеченномъ благоспѣ Природы, дщери благаго царя и общаго всѣхъ міровъ опца.

Сильный богъ.

У всѣхъ древнихъ народовъ тѣлесная крѣпость почиталась даромъ свыше низпосланнымъ: а пошому шаквые люди у Грековъ были полубоги, ш. е. рожденные опцемъ или матерью безсмертною, и обрашно коимъ либо изъ двухъ смертныхъ. Греки ихъ звали *героями*; что Славяно-Руссы означали

словомъ *богашырь*. Сѣе слово, по извѣщенію одного нашего знашюка опечешивенной Испоріи, естъ Тапарское *башырь*, и значишь силача; можно бы было сему повѣришь, ешьли бы прежде сообщенія Русскихъ съ Тапарами оно не было въ упошребленіи; вѣрише же оно сосшавлено изъ Славянскаго *богъ* и Сарматскаго *Тиръ* или *Тираръ* (по его же исполкованію) *насынокъ*; что самое какъ названіемъ *шакъ* и смысломъ ближе къ поняшю богашыря подходишь; и я лучше вѣрю, что Тапарское *башырь* естъ Русское перепорченное богашырь.

Подъ симъ божешвомъ чшили Славяне даръ природы тѣлесной, крѣпости; это былъ лицеобразованный Греческой Марсъ или Арей. Изображеніе его было въ видѣ мужа, держащаго въ правой рукѣ дрошкѣ, въ лѣвой же серебряной шаръ, какъ бы чрезъ то да-

вая знать, что крѣпость обладаешъ
всемъ міромъ. Подъ ногами его лежала
львиная и человѣческая головы, по-
сланку и ша и другая служашъ эмбле-
мою шѣлесной крѣпости.

Дажбогъ.

Сіе божество было шакъ же благо-
шворное, подашель всякихъ благъ зем-
ныхъ, богашства, шаспія и благопо-
лучія. Жертвовали ему шокмо усерд-
ными мольбами и изпрошеніемъу него
милости; ибо благошвореніе не тре-
буешъ ничего кромѣ прошенія и приз-
нашельности. Г. Херасковъ прилично
именуешъ его въ Владимірадѣ — *Даж-*

богъ *млодовитый*, когда вѣрили, что
онъ него получаюшъ всякія блага,
какъ онъ неизсякаемаго испочника.
Божницу онъ имѣлъ въ Кіевѣ. Онъ
служилъ эмблемою *благополучія*, ко-
пное обогшворяли древніе Римляне.

Живошъ.

Сіе божество было въ пошненіи у По-
лянскихъ Славянъ; имя же его озна-
чаешъ *жизнедашеля* или *сохранишеля*
жизни. Эшо былъ другой Вишну *)
Славянской. А какъ и самое названіе
Греческаго *Зевса* или *Юлитера* произво-

*) Вишну Индѣйское божество сохраняющее;
Вримагъ созидашее и Сива разрушаю-
щее.

дьянѣ ошѣ Греческаго слова *жизни*, шо не почерпнули ли оба народа первоначальныя понятія о сихѣ существвахѣ изѣ одного начала? — И не преобразили ли Греки своего вѣ существво грозное, когда Полянс имя и соединенное сѣ онымѣ понятіе, живопохранителя и живоподаваца зберегли? — Сіе божество было у Полянѣ изѣ первоспашейныхѣ, и имѣло свои храмы. Впрочемѣ понятіе о существвѣ живопохранящемѣ кажешся миѣ шонѣе и чище нежели понятіе о богѣ-лѣкарѣ, Аполонѣ ли шо былѣ, или сынѣ его Ескулапій. О семѣ божествѣ упоминаешся шолько вѣ Польскихѣ древностяхѣ; почему его и называю собственнымѣ божествомѣ Полянскихѣ Славянѣ.

Л е д ъ.

Ему Славяне молились о успѣхахѣ на сраженіяхѣ, и онѣ почипался начальсвующимѣ надѣ воинскими дѣйсвствіями и кровопролитіемѣ. Сіе свирѣбое божество предсвалялось вѣ образѣ страшнаго воина, вооруженнаго вѣ Славянскую броню или всеоружіе. При бедрѣ мечѣ; копье и щитѣ вѣ рукѣ. Сіе божество имѣло свои храмы; война досваляла ему жертвы. Идучи противѣ непріятелей своихѣ Славяне молились ему, прося о помощи, и дѣлая обѣщанія по побѣжденіи непріятелей принести ему обильныя жертвы. — Бѣрояшно, что сіе божество больше нежели другія первоспашенныя получало кровавыхѣ жертвѣ; пошму что оное заключало вѣ себѣ понятіе кровопролитія, убійства; и вѣ смыслѣ болѣе почтенномѣ, храбро-

спи, безмертія и мужества. Въ прочемъ древнихъ Славянъ не лзя упрекать челоѳическими жершвами, между шѳмъ какъ мы видимъ древнихъ Грековъ шаковыя жершвы приносящими, и что еще ужаснѳе, жершвовавшими своими однородцами, дѳшми. Обагрямой челоѳическою кровію у Германцовъ Ирмензуловъ храмъ, Сирійской Молохъ, Норманскіе камни, доказывающъ, что въ первобытной грубоспи, или по впаденіи въ оную, почти всѳми народами обладало кровавое суесвяшество. Сверхъ сего Славяне (не говоря о всѳхъ поколѳнїяхъ, но разумѳя привыкшихъ къ брани и кровопролишю) приносили въ жершву своимъ богамъ шолько враговъ.

Изъ древнихъ лѳиописцевъ видно что за ондаленіемъ онѳ храмовъ Леда, чпили его въ мечѳ или саблѳ, вынушой изъ ноженъ и волкнушой въ

землю, покланяся ему, и моля его о помощи.

Здѳсь кажется кешаши упомянушь о Славянскихъ до Рурика бывшихъ богашыряхъ. Древнѳйшїй еспѳ Князь Славень. Сїе имя кажешся нарицательное, значащее Славенской Князь, либо собшвенное, но данное ему онѳ прѳобрѳщенной имъ славы; ибо Славяне до него носили свое имя. Дѳпи его, славный Волхъ, воевавшїй съ народами обишавшими по берегамъ рѳки Волхова, прежде именовавшейся Мушною рѳкою, и брашья его Волховець и Рудотохъ. Знаменишый Буривой, воевавшїй съ Варягами (морскими разбойниками, можетъ бышь Норманскими, а не Русскими). Мудрой Гостомыслъ, его сынъ, богашырь и законодашель.

Но каковы Славянскіе и Славяно-Русскіе были богашыри, по видно изъ

слѣдующаго сказочнаго богатырскаго
повѣствованія.

Начинается сказка
Отъ сивка отъ бурка
Отъ вѣща коурка
На честь и на славу
Опецкому сыну,
Удалому вишязю,
Храброму рыцарю,
Доброму молодцу,
Русскому Князю,
Что всякія силы
Съчетъ, побиваетъ;
Могучихъ и сильныхъ
Съ коней вышибаетъ;
А бабу Ягу
На полати бросаетъ;
А смерда Кащея
На привязи держитъ;
А змѣя Горынича
Топчетъ ногами;
И красную дѣвку
За тридевять морь

зона

Въ тридесатой землѣ
Изъ подъ грозныхъ очей
Изъ подъ крѣпкихъ замковъ
На блу Русь увозитъ.
А выдешъ ли молодецъ
Въ чистое поле?
Онъ свиснетъ, онъ гаркнетъ
Свисномъ богатырскимъ,
Крикомъ молодецкимъ:
Ты гой еси конь мой!
Ты сивка, ты бурка,
Ты вѣща коурка!
Ты спань предомною,
Какъ листъ предъ правою.
На свистъ богатырской,
На крикъ молодецкой,
Онъ куда ни возьметъ
Конь сиво-бурой
И сиво-коурой.
Гдѣ конь побѣжитъ,
Тамъ земля задрожитъ:
А гдѣ конь полешитъ,
Тамъ весь лѣсъ зашумитъ.
На полетъ конь изъ рѣа

Пламенемъ пышетъ ;
 Изъ черныхъ ноздрей
 Свѣшляя искры бросаетъ ;
 И дымъ изъ ушей
 Какъ трубами пускаетъ .
 Не въ день и не въ часъ ,
 Во едину минуту
 Передъ выпяземъ спанетъ .
 Удалой нашъ молодець
 Сивку погладитъ .
 На спинку положитъ
 Съдѣльце Черкасско ,
 Попонку Бухарску ,
 На шейку уздечку
 Изъ бѣлова шелку
 Изъ шелку Персидскова .
 Пряжки въ уздечкѣ
 Изъ краснова золота
 Изъ Аравитскова .
 Въ пряжкахъ спенѣчки
 Изъ синя булаата ,
 Булаата заморскова .
 Цолкъ не порвется ;
 Булаатъ не погнѣтся ;

И красное золото
 Ржаветь не будетъ .
 У доброва молодца
 Щипъ на груди ,
 На правой рукѣ перстень ;
 Подъ мышкою палица
 Серебряная ;
 А подъ лѣвою мечъ
 Со жемчужиною .
 Богатырская шапка ;
 На шапкѣ соколъ .
 За плечами колчанъ
 Съ калеными стрѣлами .
 Въ бою молодець
 И битецъ и стрѣлецъ :
 Не боится меча ,
 Ни стрѣлы , ни копья .
 Онъ садился на бурку
 Удалымъ полетомъ ;
 Онъ ударитъ коня
 По крушымъ по бедрамъ
 Какъ по твердымъ горамъ .
 Подымается конь
 Выше темнова лѣсу

Къ гуснымъ облакамъ.
 Онѣ и холмы и горы
 Межъ ногъ пропускаешъ;
 Поля и дубравы
 Хвостомъ уснилаешъ;
 Бѣжипъ и лепипъ
 По землямъ, по морямъ,
 По далекимъ краямъ.
 А каковъ доброй конь;
 То шаковъ молодецъ:
 Ни видать, ни слыхатъ,
 Ни перомъ описавъ;
 Только въ сказкѣ сказашъ.

Вотъ изображеніе Русскаго богатыря!
 Вотъ примѣръ древняго Русскаго
 эпическаго стихопворства!

Коляда.

Подъ снѣгъ богомъ разумѣли наши
 предки миръ и сопушешующее съ
 онимъ блаженствю; а посему праздни-
 ки въ честь сему божеству онсправля-
 лись играми и веселіемъ. Оные начи-
 нались въ концѣ мѣсяца *Студеня*, или
 съ 24 *Декабря*. Зимю можетъ бытъ
 для шого уснановлены были ему празд-
 ники, что Славяне никогда въ сіе го-
 довое время не воевали, но наслажда-
 лись покоемъ по военныхъ трудахъ.
 Сему присноиюному, веселому, всебла-
 гому и повсюду разсѣвающему оби-
 ліе божеству жерпвовали пѣніемъ,
 пляской, играми и разными заба-
 вами. Праздники же сему посвящен-
 ные препровождали въ пирехъ и весе-
 лостяхъ. Нынѣшнія загадыванія дѣ-
 вушекъ о Святкахъ, кажется и шог-
 да сущеспвовали; ибо когда лучше ду-

мать о любви и замужестве, какъ не во время отдыха, покоя, наслаждаяся обиліемъ богатой осени? Впрочемъ, сему божеству молилися, прося у него мира, пищины и изобилія въ земныхъ плодахъ и скотѣ. Равно по учиненіи съ непріятелями мира, ему приносилось благодареніе, и праздновали его праздники пирами и веселіемъ. Празднованія нарочныя начинались въ честь ему съ вечера на 25 Студеня. Осташокъ оныхъ еще и по нынѣ между нами уцѣлелъ. Въ сей вечеръ собираются дѣвушки (индѣ же молодые ребята), и приходя подъ окно къ каждой избѣ поюшъ слѣдующую пѣсню, кошорая, судя по слогу, кажется бытъ очень древняя.

Вошъ она:

Виноградъ красно почему спознать?

Почему домъ Успина Малафее-
вича? *)

У его вошъ у двора все шелкова шрава,
У его шо у двора все серебряной пышъ;
Вороша у него дубовыя;

Подворотенки рыба зубья.

На дворѣ у него да три перема:

Вѣ первомъ перемѣ да свѣпелъ мѣсяць;

Во второмъ перему красно солнышко;

Вѣ третьемъ перему часты звѣзды.

Что свѣпелъ мѣсяць, шо Успиновъ
домъ;

Что красно солнце, шо Улина его;

Что часты звѣзды, малы дѣпушки.

Да дай Боже Успину Малафеевичу

Съ борзыхъ коней сыновей женить;

Да дай Боже Улишъ Хавроневнѣ

Съ высока перема дочерей выдавать.

Подари, государь, колядовичковѣ;

Наша коляда ни рубль, ни подшина,

Наша коляда всего поль-алпына.

*) На мѣсто сихъ именъ припѣваются имена того хозяина и хозяйки, передъ чьими окнами колядуютъ.

По прои́шнїи сихъ пѣсенъ, колядовщицы получаютъ нѣсколько денегъ, или больше изъ пшеничнаго пѣсна напеченныя бездѣлушки; а молодымъ ребятамъ колядовщикамъ въ иныхъ мѣстахъ выносятъ по ведру или больше пива, которе они сливаютъ въ возимую съ собою бочку.

Всѣ такъ называемыя святошныя игры суть останки древнихъ въ честь богу мира празднованій. Въ сіе время дѣвушки гадаютъ о своихъ суженыхъ, ш.е. рокомъ опредѣленныхъ будущихъ мужьяхъ свсихъ; поютъ такъ именуемыя по свяшкамъ подблюдныя свя-

*) Такъ названныя оныя блюда, въ которое загадывающія дѣвушки кладутъ какую либо съ себя вещицу, какъ пшч. перенесъ, запонку и проч. и покрывъ оное салфеткой, накладываютъ уголь или огарокъ. Послѣ сего по прои́шнїи пѣсни загадывающая вынимаетъ вещь, и чья вынешя напередъ, тому пѣтвое въ пѣсни збудется. Загадывающъ же обыкновенно о женихъбахъ.

пошныя пѣсни, которыя я здѣсь для шого не привожу, что они слишкомъ извѣсны всякому изъ моихъ читателей.

У с л а д ъ.

Радость на челѣ, румянецъ на щекахъ, уста улыбающіеся, увѣчанный цвѣтами, одешый нерадиво въ легкую ризу, играющій въ кобзу, и пляшущій на голосъ оныя, ешь богъ веселія и жизненныхъ услажденій, сопутникъ Лады, богини пріятностей и любви;

Усладъ прельщающій возрлнѣмъ однимъ — —

Владим.

Онъ былъ почитаемъ покрови-
лемъ всякихъ удовольствій и увеселе-
ній. Кажется, что сіе божество на-
чально изображало душевныя и шѣлес-
ныя удовольствія: но какъ все ошле-
ченное между народомъ преобращает-
ся въ чувственное и грубое, умствен-
ное же въ вещественное, то и Уладъ
почитаемъ былъ богомъ роскоши, пи-
ровъ, ушѣхъ, увеселеній, забавъ и осо-
бенно столовыхъ явственныхъ услаж-
дений, какъ Корсъ пьянства. Человѣкъ
чувственный все любилъ принаров-
лять къ своимъ спрасьямъ, кои
обратно приписывалъ всему извле-
ченному чувственности и спрасей.
Наконецъ скажу, при всякихъ пирше-
ствахъ (въ коихъ шочно какъ и въ пи-
тьѣ полагалось въ древности все чело-
вѣческое блаженство) сіе божество
было призываемо и умоляемо.

Л а д а.

Леля, Полея, Дидъ, Дидилія. Вопшъ
прекрасное семейство, какового не
могло выдумать и Греческое игривое
воображеніе! Чшо естественнѣе,
какъ Красота съ своими дѣшьями, Лю-
бовью, Бракомъ или Сочетаніемъ, Сузру-
жественной жизнью и Дѣшорожденіемъ?

Богиня красоты и любви всего бо-
лѣе чшима была въ Кіевѣ. Владимиръ
до крѣщенія своего будучи влюбчивъ
и повсюду собирая красавицъ, весьма
чшилъ сію Царицу любви. Онъ ей
воздвигнулъ великолѣпный и преукра-
шенный на Горѣ *) храмъ. Г. Херас-
ковъ пакъ оный описываетъ:

*) Горю разумѣть должно мѣсто, гдѣ стоялъ
старой Кіевъ: ибо слово Киви по Сирмап-
ски значить гору.

Храмъ Ладинъ неспирыми гордящийся
сплонами,
Силешенными изъ розъ обвѣнянъ вкругъ
цвѣтами.
Богиня отрока держащая въ рукъ
Являлась въ бисерахъ и миршовомъ
вѣнкѣ:
У ней разнуценны власы подобно за-
пугу;

За благости ея цвѣты приносящъ въ
плату.

Владим. Пѣснь III.

И въ другой (II) пѣснѣ:

И въ немъ (храмъ) величество небесъ
изображаетъ;
Снуенней седмъ, и седмъ вкругъ идола
сплопошъ. —

Изъ сего описанія Ииша видно что
храмъ ея былъ великолѣпный, и мо-
жетъ бытъ великолѣпнѣе Перунова.

Лада изображалась въ видѣ молодой

прекрасной женщины, въ розовомъ
вѣнкѣ; волосы у нее были золопо-
цвѣшныя; одешая въ Русскую одеж-
ду, опоясанная золошымъ поясомъ и
убранная жемчугами. Она держала
за руку младенца, кошпорой естъ богъ
любви или *Леля*.

И заповласая съ младенцемъ шамо Лада.

Херасковъ.

Служеніе сей пріятной богинѣ было
сходственное съ ея свойствами. Ей
пѣли въ честь пѣсни и приносили ку-
реніе аромашъ и цвѣтны.

Россійской эпической шворецъ шакъ
оное описываетъ:

Дѣвцы окруживъ кумиръ во строй-
номъ чинѣ,

Со умиленіемъ воспѣли пѣснь богинѣ:

„О! нашей юности хранящая цѣлты!

„Дай, Лада, мирное супружество намъ
ты!“

Маслики передъ ней какъ облакъ воз-
курили

И имя Ладино спокрапно повторили;
Въ то время возгремѣлъ кимваловъ
громкихъ звукъ;

Дѣвицы жершвенны составишь цѣпь изъ
рукъ,

Когда произвела прѣшной голосъ лира,
Плясанье начали при пѣсняхъ вокругъ
кумира.

Приходятъ предъ олтарь и жрица и
жрецы

Носящи для дѣвицъ богинины вѣнцы,
Которыхъ на главы священно возло-
женъе

Обязанъ Князь чинишь любви во уваже-
нъе.

Владимиръ оросилъ, начавъ обрядъ та-
кой,

И руки и чело священною водой.

Вопшъ описаніе служенія богинѣ люб-
ви, не требующее никакого дополне-
нія: пошому чшо въ другомъ мѣспѣ

авпорѣ Владимира возрожденнаго до-
полнилъ оное шакъ:

Краснѣ утренней зари отроковицы
Несутьъ уже цвѣты во храмъ любви
Царицы.

Преображается въ помостъ прекрас-
ный лугъ,

И дѣвы юныя кумира стали вокругъ.
Сянъе числыхъ звѣздъ онѣ изобража-
ютьъ,

Которыя луну блестящу окружають.
Едина между сихъ сянѣшъ паче всѣхъ —

— — — — —
Ей первой жребіемъ готовился вѣнецъ,
Который на дѣвицъ влагають Князь
и жрець.

Развивая немногія слова, оспавши-
ся въ нашихъ лѣшописяхъ о баснобо-
жїи Славянъ, можно заключишь, чшо
сей богинѣ наивеличайшее воздавалось
въ Кїевѣ почипаніе въ княженіе Вла-
димира до просвѣщенія его божешвен-

нымъ свѣтомъ Христіанства. Будучи по словамъ древнихъ лѣтописцевъ *женолюбивъ*, воздавалъ великую честь богинѣ любви, и можетъ быть приняты устроенны обряды служенія, описанные пѣвцемъ Владимирѣады; и сіе потому, что оныя обряды служили ему пособіемъ къ избранію прекраснѣйшихъ изъ дѣвицъ.

Леля *).

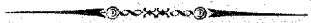
Божокъ пламенный, рассыпающій или мещущій изъ руки искры. Сила его

*) Слово *леля* значить, что говорится о нѣженьѣ дѣвѣй, или о нѣ Лели производить, или вѣрнѣе о нѣ Леля, какъ младенца о нѣ сего слова.

состояла въ воспламененіи любви. Онъ есть сынъ красота, какъ и естественна красота рождаетъ любовь. Изображался онъ въ видѣ златолацаго, какъ и мать его, пламеннаго, крылашаго младенца: свойство любви воспламеняетъ. Онъ мещалъ изъ рукъ искры: любовь воспламеняетъ сердца не искрами ли какъ бы исходящими изъ очей, изъ устъ прекрасной или лучше любимой (потому что въ языкѣ любви красотою называется что каждому изъ нераздѣлимыхъ въ особливости страстно нравится) особы? Безошлучно находился при своей матери: весьма натурально любви всегда бытъ при красотѣ; красота всегда производитъ любовь. Онъ старшій сынъ Лады: при соединеніи двухъ половъ любовь все прочее предваряетъ. Впрочемъ Г. Херасковъ даетъ ему по подобію Эроша лукъ и стрѣлы:

Сынъ Ладинъ въ воздухъ взывается
 крилами,
 И напрягаетъ дукъ пернатыми спръ-
 ламн.

Послѣ Любви слѣдуетъ Бракъ, ко-
 шпорой естъ вшпорой сынъ Ладъ, и име-
 нуется *Полелъ*.

Полелъ *).

Вшпорой сынъ богини любви. Всякая
 чистая и на добродѣтели основанная
 любовь влечетъ за собою бракъ. По-
 чему Славяне вымыслили, или лучше,
 испинну прикрыли покровомъ сего вы-

*) Какъ бы слѣдующій по Ладъ, любви, то есть,
 бракъ.

мысла. Сѣ божество улыбающееся
 въ шипковомъ вѣнокъ, подаетъ рукою
 проспершою шипковой же вѣнокъ, а
 въ другой держишь ро гъ щипя вѣр-
 носпи. Онъ не естъ ногой, какъ
 брашъ его, но одетъ въ шонкую ризу
 или рубаху. Сѣ божество такъ же
 имѣло свои божницы въ Кіевѣ, хопя
 и въ другихъ мѣстахъ было чшимо.
 Херасковъ такъ его опредѣляетъ:

Полелъ веселостей богиню презождаль:
 Въ немъ Кіевъ брачные союзы обожалъ.

Дидъ *).

Вопъ шрешіе чадо мащери любви,
 жизнь супружняя; сей такъ же какъ

*) Дидъ или правильноѣ Дидъ, Дидо, Дидя,
 Дѣня, Дѣшъ, и множ. Дѣня.

и брашья его всегда молодѣ. Пошому чшо супружня связь, нашурою успановленная для размноженія чловѣческаго рода, не должна ослабѣвашь или спарѣшьяся. Супруги перестаютъ бышь супругами шолько шогда, когда жарѣ любви мало по малу угасаетъ: шогда они спановяшьяся друзьями. Сшо послѣднюю связь разрываетъ одна шолько смерть. Онѣ одетѣ въ полную Славянскую одежду; вѣнокъ на немѣ изъ васильковѣ; онѣ ласкаетъ держа въ рукахъ двухъ горлицѣ. Сей богъ имѣлъ свой въ Кіевѣ храмѣ, и ему молилися замушнѣе и женашнѣе о благополучномѣ супружествѣ и дѣшорожденіи.

Дидилія *).

Такѣ же изъ семейства Лады. Она почишалась не шолько покровительницею благополучныхъ родовѣ, но и разрѣшительницею неплодныхъ женщинѣ. Почему и прибѣгали къ ней для моленія какѣ чреватшья пакѣ и безплодншья. Истуканѣ ея предшавлялъ молодую прекрасную женщину, имѣющую на головѣ на подобіе вѣнца украшенную жемчугами и каменшьями повязку; одна рука у ней была разжаша, а другая сжаша шылеснею, или кулакомѣ. Наизнашнѣйшій, сверхѣ другихъ, храмѣ ея былъ въ Кіевѣ. Сшо Богинеею окончивашьяся Ладино семейство, изобрѣшеніе коего весьма нашурально, полно, вѣрно и прекрасно. Греки дали Венерѣ одного Эрота

*) Какѣ бы Дѣшилія или Дѣшодательница.

или Любовь: Гименъ и Гименей были ей чужды; а надъ родами начальствовала Юнона. Но Славянское воображеніе будучи върибе, хотя и не столько живо и лешуче, соспавило изъ всѣхъ сихъ одну семью совершеннѣйшую.

Мерцана.

Подъ симъ названіемъ Славяне разумѣли зарю. Слѣдовательно ей можемъ придашь тѣ же приложенія, кои Гомеръ, списывая съ природы, прилагаетъ къ своей зарѣ: онъ ее называетъ *рудожелтою зарею*, иногда же *златобагряною*. Она у него появляется

по два раза въ день. Когда Фебъ выѣзжаетъ на небо: тогда упромъ поднимая мрачный покровъ ночи своими розовыми перешами, показывающъ на малое время свою златобагряную одежду. Какъ же скоро Фебъ вѣдетъ на небо, то снова скрывается; а въ другой разъ, какъ скоро Фебъ приблизится къ западнымъ вратамъ своего дома, она ему оныя опшоривъ и вспрѣшивъ дожидается пока пробѣдетъ, и до шѣхъ поръ ея златобагряная риза бывающъ видна, доколь опять не опущитъ она завѣсы ночи. Но Славянская заря при опшравленіи сего служенія Свѣтовиду выходитъ иногда ночью рѣзвись нады нивами, порхая нады созрѣвающимъ классами. И тогда зовущъ ея *зарницей*. А какъ вѣрили, да и шеперь еще вѣрящъ, что зарница способствуенъ къ большему обилію и къ скорѣйшему созрѣванію

жашвѣ; што и почиалась покрови-
пельницею нивныхъ плодовъ. А по-
сему молили ея о урожаѣ жлѣба. Приз-
накъ ея, какъ богини жашвѣ, классо-
вой вѣнокъ; какъ заря, румяна и въ
злашобагряной одеждѣ, которая со-
стоишь изъ обширѣйшаго покрова
или фаты, прикрывающей заднѣ пол-
головы, у груди приколотой и про-
спирающей до земли. Ся богиня
особенно сельскими жителями по-
чишалась.

БОГИ ЗЕМНЫЕ.

ТРИГЛАВА.

Такъ же сокращенно именовалась Три-
гла. Ся богиня не имѣла храма въ го-
родахъ и селеніяхъ, а находился онъ
на поляхъ Кіевскихъ; испуканъ же ея
представлялъ женщину о трехъ голо-
вахъ. Славяне, кажется, благора-
зумно поступали, не вѣщая храма
богини, изображавшей землю, среди
жилищъ. Три ея главы означающъ
при начала составляющія земной
шаръ, ш. е. земля, вода и воздухъ: ибо
существованіе огня полагалось внѣ зем-
ли. Сему доказательствомъ служишь
Прометей, похищившій огонь съ не-
ба. Нѣшь ничего лучше сей ихъ до-
гадки, какъ поставишь храмъ земли
подъ открытымъ небомъ, поелику
самое изображеніе сего храма и богини

значило землю. Сверхъ сего три ея главы могутъ представлять собою горы, долины и лѣса. Въ смыслѣ же опвлеченномъ, богиня сія, кажется, изображала продолженіе времени, настоящее, прошедшее и будущее.

Волосъ.

По причинѣ пользы, получаемой отъ скоша, коего сей богъ почитался покровителемъ, послѣ Перуна, бога ужаса, Волосу, подашею чрезъ сохраненіе скоша великихъ пользъ и благъ людямъ, воздавалось величайшее почитаніе. Самое имя означаетъ его величшимымъ: ибо Велесъ, чрезъ пол-

кованіе слова, значить великій есть, ш. е. великій, а Волосъ, володѣющій, ш. е. обладаешь*). Сіе высокое почитаніе къ нему Славянъ видно въ лѣтописяхъ изъ договоровъ Святослава съ Греками, когда въ соблюденіи мира Греки присягали цѣлуя крѣстъ и Евангеліе, а Святославъ, вынувъ изъ ножной саблю, клялся надъ нею Перуномъ и Велесомъ богомъ скотнымъ. Имя Велеса, какъ хранишеля скотовъ, еще и по нынѣ сохраняется въ созвучномъ оному имени Ст. Влася, или по просту Власа,

*) Волошанами или Ваяками древніе именовали Римлянъ, какъ обладателей всей земли (цѣмъ они и сами хвалились). А какъ цѣ землю Гетовъ, кои были Славяне, жившіе на мѣстѣ нынѣшней Волохи и Молдавіи, Римляне посылали на поселеніе безпокойныхъ воиновъ; по Славяне называя сихъ Волошанами, назвали и самую часть заселенной ими земли Волохию; напротивъ же того, Другому отъ дѣлѣнію Гетовъ дали Римляне прозваніе Мушпий. Нынѣшніе Волохи и Молдаване есть не иное что какъ смѣсь Славянъ Гетовъ съ Римлянами.

кошораго деревенскіе жишели называ-
юшъ коровымъ богомъ, почно какъ
Ст. Егорія, коневымъ и овечьимъ. Онъ
сѣ бычачьими рогами, въ просной
одеждѣ, держишъ въ рукѣ чашу сѣ мо-
локомъ: ибо онъ предпочтительнѣе
покровительствовалъ крупному рога-
тому скопу. Въ жерпву ему приноси-
лись коровы и быки. Въ Кіевѣ воздви-
гнушы были ему божницы; равно-
мѣрно и въ другихъ городахъ имѣлъ
свой капища.

Херасковъ говоришъ такъ о семъ идолѣ:

— — и Велесъ паспвы богъ.

Что согласуешя сѣ моимъ описаніемъ.

Могошъ *).

И сей по Нестору есть такъ же богъ
скоповъ: однакожъ надобно замѣнитъ
различіе между Могошемъ и Велесомъ.
Первой крупнаго скопа богъ, другой
же мѣлакаго, какъ шо, овецъ козъ и
проч. А какъ польза ошъ мѣлакаго ско-
па получаемая соспонтъ во первыхъ
въ шкурахъ и потомъ въ мясѣ; шо и
изображеніе сего бога будешъ шому
соотвѣтственное: сѣ мохнашой коз-
линой бороною, сѣ бараньими рогами,
въ шубѣ бараньей на выворотѣ; въ
рукахъ палка или паспущій посохъ,
а въ ногахъ у него можешъ положенъ
быть бараникъ. Сей богъ такъ же

*) По разности произношеній, Могошъ назы-
вается Макошъ, Мокосъ, чіно все из-
шолковыяешя словомъ Могушъ.

имѣлъ по городамъ свои храмы; а почитаемъ былъ всего болѣе поселянами.

Купало.

Веселый и прекрасный богъ, одешый въ легкую одежду и держащій въ рукахъ цвѣтшы и полевые плоды; на головѣ имѣющій вѣнокъ изъ цвѣтшовъ купальницъ, богъ лѣша, полевыхъ плодовъ и лѣшникъ цвѣтшовъ, *Купало* *). Онъ

*) Имя сіе производилъ онъ купа, кустъ, которой въ Славянскомъ языкѣ увеличительно называется куйина. Купа (масса) производилъ онъ сего слова: ибо прежде дано такое названіе кусту, а онъ него уже сравнительно съ совокупнымъ множествомъ прутьевъ или стволонъ его, дали названіе купы собранію однородныхъ вещей.

почищается преннымъ по Перунѣ и впорымъ по Велесѣ: ибо по скопководствѣ земные плоды всего болѣе служашъ къ содержанию и продовольствію человеческой жизни, и составляющъ его обиліе и богатство. Мерцана любила нивы, слѣпая ночью на оныя, играя и резвясь надъ ними, а можетъ и съ самыми классами, любимѣйшими ея растѣніями, копорыхъ созрванію способствовала: сіе же самое божество неклося о изобиліи и благополучномъ созрваніи всякихъ полевыхъ произрастеній. Вѣроятно, что по приведеніи въ зрѣлость классовъ, Мерцана ихъ оставляла, и препоручала дальнѣйшее о нихъ попеченіе Купалѣ. И онъ-то долженъ былъ сохранять ихъ онъ непогодъ, сильныхъ вѣтровъ, и кровилельствовашъ земледѣльцамъ собирающимъ ихъ. Или, поелику Мерцана только ночью сходи-

ла для любованья ими, по спанется, что дневное попеченіе бралъ на себя Кунало. Какъ бы оно ни было, но сама жершвы приносившіяся ему предъ начашіемъ жашцы доказывающъ, что онъ сверхъ другихъ полевыхъ произведеній покровительствоваль такъ же и нивянымъ.

Празднованіе ему установлено было мѣсяца Червца 23 и 24 дня *), Тогда молодые люди обоихъ половъ въ вѣнкахъ и опоясаніяхъ (гирландахъ) изъ купальницъ и другихъ цѣлшвовъ во кругъ расположеннаго огня при пѣніи пѣсень плясали, почаспу чрезъ оный перескакивая. Пѣсни же сіи были или въ честь Куналъ, или въ оныхъ припѣвалось только его имя.

*) Червецъ, получившій такое свое названіе отъ разноржающихся тогда червы или молодыхъ наѣдомыхъ, соотвѣдствующей нашему Юнью мѣсяцу.

Таковыя пѣсни еще и по сіе время по нѣкопорымъ деревнямъ и селамъ продолжаютъ. По воспринятіи Россією Христіанской вѣры прошло болѣе восьми столѣтій, и совсѣмъ пѣснмъ слѣды древняго батнобожія все еще не могутъ изгладиться: столько человѣку любезны боги образованные имъ по своему подобію, спрастямъ и нравамъ!

Родомыслъ.

Божество Славянъ Варяжскихъ, покровитель законовъ, податель благихъ совѣщовъ, мудрости, красныхъ и умныхъ рѣчей. При начашіи градъ

скихъ совѣщаній или сходокъ, опно-
сящихся къ благоденствію града, или
къ обратенію угрожающей общей
напасти, ему молились, принося жерш-
вы. При всякомъ важномъ предпріятіи,
требующемъ мудрости, Родомыслъ
былъ призываемъ. Сіе божество имѣ-
ло въ городахъ при Варяжскомъ морѣ
свои храмы. Испуканъ его представ-
лялъ челоѣка въ размышленіи, упер-
шаго въ лобъ указательнымъ перс-
томъ правой руки; въ лѣвой же рукѣ
щипъ съ копьемъ. Сіе божество ка-
жешся бытъ поже, что у Цельшовъ
Биддеръ, богъ мудрости и краснорѣ-
чія.

С Ѣ в а. *)

Собственно богиня осени и садовыхъ
плодовъ. Изображалась въ видѣ нагой
женщины съ полными сосцами, имѣ-
ющей волосы висящими до подколѣ-
нокъ, и держащей въ правой рукѣ яб-
локо, а въ лѣвой гроздь. Суевѣріе,
дѣлавшее себѣ изъ всего бо-
гастворенія воздуха, умѣренности
погодъ, и обыкновеннаго плодоноснаго
года, образовало себѣ особенное бо-
жество, будто бы благословлявшее
сады его и огороды, и оному молилось и
просило его о покровительствѣ. Впро-
чемъ изображеніе сей богини оспро-
умно. Нагоша ея изображаетъ состо-
яніе природы въ плодотворную
часть года; полные сосцы и длинные
волосы, общую всѣхъ шварей пиша-

*) По разности произношенія выговаривалась,
Сива, Сиба, Дзива, ш. е. дѣва.

пельницу во всемъ преизобилующую; яблоко служивъ эмблемою мащери иѣвающей милыхъ чадъ своихъ, гроздъ же упоевающей всѣхъ роскошью. Сѣва была божествомъ не только плодовъ садовыхъ, но и самага времени ихъ поспѣванія, осени. Она особенно почиталась ошъ Славянъ жившихъ при Варяжскомъ (Балтійскомъ) морѣ.

Зевана.

Богиня звѣриной ловаи. И подлинно Славянамъ жившимъ почши во всей Россіи среди лѣсовъ, и промышлявшимъ ловаею звѣрей, сія богиня была послѣдней важности. Векши (векоши и когапы) и куницы (куны) сослав-

ляли въ древности не только ихъ одежду (здѣсь говорится о Славянахъ Древлянскихъ, т. е. жившихъ по лѣсамъ) но еще и вмѣсто ходячей монеты употреблялись *). Сія богиня изображается въ куней шубѣ, коптой верхъ покрытъ бѣличьими шкурками. Сверху надета вмѣсто эпанти кожа медвѣдя, коего голова служивъ вмѣсто шишака. Въ рукахъ лукъ напянутый съ тупой спиралою или капканомъ; подлѣ нее положены лыжи и бичные звѣри, шакъ же рогашина и ножъ. Въ когахъ леживъ со-

* Обиліе въ звѣряхъ и недостатокъ въ дорогихъ металлахъ, заставляло употреблять шкурки звѣрей вмѣсто монеты. 20 бѣличьихъ шкурокъ равнялось одной куней; а 20 куней соотвѣтствовали гривнѣ, т. е. 1 фунту серебра. По томъ серебро шакъ возвысилось, что $7\frac{1}{2}$ ф. или 150 кунь, что будетъ 3000 вѣкошъ, стоило 1 фунтъ серебра; въ послѣдствіи времени плащилось за гривну или 1 ф. серебра по 120 гривенъ кунами, или по 2400 кунь, что составилъ вѣкошей 4800.

бака. Сей богинѣ молились ловцы, прося у нее щастія въ зѣроловствѣ. Храмы ей сооружены были въ лѣсахъ. Въ честь ей приносилась часть добычи получаемыхъ охотою.

Ч у р ь.

Почитаался богомъ межей. Онъ не имѣлъ храмовъ; но былъ божество умственное. Его просили о сохраненіи межей на поляхъ. Въ разсужденіи виду, можетъ быть не представляли ли его камни положенные для опредѣленія между полями границъ? Слово чуръ и чуръ употребляется, означая воспященіе какого либо дѣйсвія. Сіе слово у колдуновъ шаманское,

коимъ они призваннаго чорта опять прогоняютъ *). Въ заключеніе скажу, что я не ручаюсь за свое словопроизведеніе: я намѣкнулъ только мою догадку: а догадка для сего не есть еще самоиспинна.

Пр о в е.

Онъ же именуется и *Проно*. Сіи оба слова имѣютъ сходныя между собою значенія. *Провѣ* или *Провѣтъ*, *провѣщающій*, *пророческующій*: *Проно* же

*) Ясннвно, что я, писавшій басни, не говорю о знаніи колдуновъ, какъ о чей нибудь существенномъ, и шакъ же не выдаю за дѣйствительное сообщеніе ихъ съ духами, вымышленное и сплешенное ими на свою спашь; но только какъ върнѣ чернъ сему ихъ обману, принимая шю за самую истинну.

онѣ слова прознать, ш. е. предвѣдашь, или проникнушь. Почитаемъ былъ Прове Вендскими и Померанскими (ш. е. поморскими, приморскими, поморянскими) Славянами. Они его щитали вшорымъ по Свѣтovidѣ, коsmу воздавали величайшее почитаніе. Испуканъ сего божества споялъ на высокомъ густолиственномъ дубѣ, предъ копорымъ поснаваляся жертвенникъ для жертвоприношеній; вокругъ же дуба усѣяно было по земли двуликими, шреликими и чешвероликими болванами. Кажется что подъ симъ божествомъ Славяне разумѣли предопредѣленіе, управлявшее міромъ и распоряжавшее будущимъ. Впрочемъ, не жрецъ уснами бога предсказывалъ, но думали что самъ Прове вселяясь въ жреца, говорилъ его уснами. Ему приносили въ жертву пѣвныхъ: по закланіи, жрецъ почилъ

кровь ихъ въ чашу и прикушивалъ; а онъ сего и вѣрили, что онъ получалъ чрезъ то большую силу къ предсказанію. По окончаніи жертвы, и полученіи благопріятнаго предрѣченія, кумиробожащели начинали бѣсть, пинь и веселишся.

Р а д е г а с т ь .

Былъ обожаемъ такъ же Варяжскими Славянами. Онъ почитался защитникомъ городовъ. Испуканъ его былъ на подобіе Варяжскаго Славянина, вооруженнаго копьемъ, держащаго въ лѣвой рукѣ щитъ съ изображеніемъ на немъ воловѣй головы; въ шлемѣ, на коемъ предсавленъ былъ пѣшухъ съ распростертыми крыльями. Всѣ сіи

признаки означаютъ въ немъ блюспи-
шеля города: конье, поразишеля вра-
говъ; щипшъ, градопокровишеля и за-
щипника; воловь голова, силу и крѣ-
пость; пѣшухъ, бодрость и бдѣніе
въ сохраненіи городовъ, копорые у
старинныхъ Славянъ (точно какъ у
Грековъ и Италіанцовъ древнихъ) со-
ставляли каждой въ особенноти осо-
бливое общенародіе или Государство.
Радегастъ, какъ и самое имя его
объясняетъ, значитъ поразишеля
непріятелей *). Ему сверхъ другихъ
жертвъ, приносили кровь человѣче-

*) Госпъ въ старину по разности временъ и
мѣстъ имѣло различное значеніе: а) госпъ
значилъ морскаго набѣдника, какъ то и Не-
сторъ о сѣмъ говоритъ, что обитавшіе при
Варяжскомъ морѣ назывались: Вагри (мор-
скіе разбойники) или госпи, (откуда вра-
ги или предони, разбойники) или Люшти,
злые, что все одно и шже; б) Госпи, прѣ-
взжѣ кунцы; в) торгующіе обтомъ; г) и
нынѣ госпъ имѣетъ два разныхъ значенія, по-
сѣнншеля и торгующаго обтомъ.

скую. Будучи равноѣрно почи-
таемъ прорицателемъ чрезъ жре-
ца, долженъ былъ удблять часть
варварской жертвы своему служи-
телю, который по вышоченіи изъ
нещастнаго жертвуемаго крови его,
оную прикушивалъ, какъ бы чрезъ то
сообщаясь съ богомъ. По окончаніи
жертвы и предсказанія, начинался об-
щественной пиръ, послѣ котораго
играли на музыкальныхъ орудіяхъ и
плясали. Здѣсь замѣшимъ мы однаж-
ды на всегда о всѣхъ при Варяжскомъ
морѣ обитавшихъ Славянахъ, что
боги ихъ были такъ же безчеловѣчны,
какъ и они сами. Славяне при поселе-
ніи ихъ на сихъ берегахъ, и смѣшав-
шись съ поморскими Финцами, про-
мышлявшими набѣдами и грабежами
по морю Варяжскому, они переняли у
сихъ варварской ихъ промыслъ, и
такъ же развѣзжали по морямъ для

грабительствѣ. А сіе самое упражненіе уменьшало или и совсѣмъ изпребляло въ глазахъ ихъ ужасъ и опрращеніе къ прошивосшествственнымъ жершвамъ, поелику, по извѣстнымъ законамъ природы, привычка ошѣ усиленія дѣлашся вѣпорю напурою. Самому Свѣшовиду, богу кропкому и благошворному, дерзали приносить кровь челоѡческую; наконецъ, прибавимъ еще, что при закланіи какъ жившныхъ шакъ и людеѣ, мечшали приносить въ жершву богамъ душу, копорая у всѣхъ непросѣщенныхъ народовъ полагалась въ крови; а посему кровь и была свѣшѣйшимъ пожершвованіемъ идолю.

Корсѣ. *)

Вошѣ и покровишель охшшниковъ до пива и мѣду. Нагой, одушловашой, вѣнокъ на немъ сплешенъ изъ хмелевыхъ лѣшней съ листьями; перевязъ на немъ хмелевая же. Въ правой рукѣ держитъ ковшъ, изъ котораго хочѣтъ пишь; во кругъ него лежатъ груды черепьевъ ошѣ разбишыхъ кувшиновъ; самъ же сидитъ на ушлой вверхъ опрокинутой дномъ бочкѣ. Славяне молились ему, высшуная на пѣяншвенные поединки. Ибо въ древности не шолько у Славянъ, но и въ цѣлой Европѣ пишь не малымъ почи-

*) Такъ же Хорсѣ, Корша и Корцѣ. Начально ковшъ кажется назывался коршъ; ибо и до нынѣ въ Малороссіи уменьшительно говорѣтъ, корчикъ и корецъ, индѣже и коршикъ. Почему сему богу и дано имя отъ орудія всего чаще имъ употребляемаго въ пѣяншвованіяхъ своихъ.

шался богатѣе, кто могъ перепить всѣхъ. Тогда, какъ въ наши вычищенные времена, пьянство не только не приносило стыда: но еще пошль долженъ былъ шерпль помянїе, кто или не пилъ, или не могъ пить много. Цесарь то же самое говорилъ о Германцахъ, что они пьяной напишокъ, извѣстнымъ образомъ сваренной (пиво) пьющъ до излишества, и кто больше другихъ выпьетъ, пошль большую получаетъ честь. Но не сказали ли такъ же и Персы въ честьъ Александру, что онъ храбръ, прекрасенъ, уменъ и всѣхъ перепиваетъ? Сей порокъ у Грековъ долгое время (да едва ли еще и теперь) почитался добродѣтелью, или лучше похвалбою и молодечествомъ. Анакреонтъ воспѣвая любовь, вмѣстѣ съ нею славитъ свои роги, изъ кошорыхъ прежде пивали, и въ видѣ сихъ самыхъ роговъ были

покалы, здѣланные изъ мешалла или дерева. Но наши предки, особенно войны, любили въ шоржешственныхъ пирахъ пить изъ череповъ убитыхъ ими заѣвшихъ ихъ враговъ, въ знакъ шоржешшванїя надъ оными. И сей обычай собственно не Славянской. Почти всѣ полупросвѣщенные народы, главнѣйшее упражненїе свое полагавшіе въ войнѣ, такъ поступали. Примѣромъ тому Цельшты (Далчане), Норманцы (Шведы) и проч. Да и нынѣ обычай сей сохраняется у многихъ дикихъ народовъ.

Я с с а.

Божество Славянъ Полянскихъ и Гершовъ *).

 Позвиздъ.

Свирѣбный богъ непогодъ и бурь. Русской энической поэзи о немъ шакъ говоришъ:

*) Ясса, Поревидъ и Гровъ, три божества, которыхъ всѣ входящъ въ составъ Славянскаго многобожія, но которыхъ опредѣлительныя свойства и принадлежностіи, равно какъ и образъ служенія имъ, и другія касательно сего подробности не могли описать съ нѣкоторою вѣроятностію, за недостаткомъ письменныхъ о томъ показаній или изустныхъ преданій, я прохожу не сказавъ о нихъ ни слова; ибо я не взялся подспавлять искусственныя слабшенія вымысла въ истинны болѣе или менѣе сомнѣнію подверженныхъ.

И Позвиздъ бурями, какъ ризою одетой.

И вотъ шаринное о немъ понятіе:

— — — — —
 Съ браны дожди лютъ проливныи,
 Изъ устъ валяшъ шуманы злыи.
 Тряхнешъ ли Позвиздъ волосами?
 Валишъ на землю подосами,
 Нивъ изтребилешъ, крупный градъ.
 Махнешъ ли кладною полою?
 Звѣздатъ снѣгъ хлопьями влишъ.
 Лепишъ ли облачной страною?
 Предъ нимъ предидешъ шумъ и свистъ;
 Полкъ въпровъ, буръ за нимъ несешъ,
 Взвѣвая къ небу прахъ и листъ;
 Сползній дубъ прещишъ и гнѣтсѣ;
 Боръ клонитсѣ къ землѣ правою;
 Трепещущъ рѣки въ берегахъ,
 Крупитсѣ ль въ голыхъ онъ скалахъ?
 Свиститъ, ревѣшъ, гулитъ, яришъ.
 Ударитъ ли въ утѣсъ крыломъ?
 Вздрогнешъ гора; утѣсъ валитсѣ;
 И въ пропастьяхъ кашишъ громъ.

И такъ Позвиздъ имѣшъ видѣ свирѣпый, волосы и бороду всклокоченную, епанчу долгую и съ крыльями на разнашку. Ему, какъ и Виргиліеву Эолу, мѣстопробываніе должно данъ на высокихъ горахъ. Онъ имѣлъ близъ Кіева храмъ на полѣ: пошому что суевѣріе думало, что эпошъ вымышленной и образованной съ дѣяній природы богъ могъ залезать въ сей поспросной ему поспоялой домъ. Кіевляне распростирали власть его; они почитали его не только богомъ бурь, но еще и всякихъ воздушныхъ перемѣнъ, какъ добрыхъ такъ и худыхъ, полезныхъ и вредныхъ. Почему и просили о дарованіи красныхъ дней, и объ отвращеніи непогодъ, копорыя почитались находящимися подъ его властію и управленіемъ. А и шого еще въроянше кажется, что они молили его не только о подаянн

имъ блага, сколько чтообъ не причинялъ имъ зла, по копорой самой причинѣ и всѣмъ вредоноснымъ богамъ воздавалось почитаніе. Въ Владимірадѣ Позвиздъ такимъ образомъ похваляешся своєю силой:

Я двигну облаки и воды возмушу,
Рѣками дождь и градъ на землю низ-
пушу.
Мнѣ въ буряхъ къ свойственной свирѣ-
пости прибѣгну;
Я грады низложу, дворъ Царскій опро-
вергну.

Д о г о д з .

Вопъ милое божество, противоположенное свирѣпому Позвизду! Младый, румяный, русокудрый, въ василько-

вомъ вѣнкѣ, съ голубыми по краямъ позолоченными крыльями бабочекъ, въ среброблестящей голубоватой одеждѣ, держащей въ рукѣ шилокъ, и улыбающейся на цвѣтны, лепя надъ оными и помавая имъ, естъ Славянскій богъ пріятнаго весенняго времени; тихій, прохладной вешерокъ, *Догода*. Онъ имѣлъ свои храмы, и ему жертвовали цвѣтами, пѣснями и плясками.

Зимшера *).

Подъ симъ именемъ предки наши почитали богиню весны и цвѣтновъ. Она имѣла свои божницы, и праздники ея

*) Зимшера такъ же. Но справедливѣе Зимшера, прогонительница зимы, занявшая мѣсто зимы, изгладившая зиму.

были въ мѣсяцѣ Цвѣшенѣ (Апрѣлѣ): пошому что въ южныхъ широтахъ Россіи съ этого мѣсяца начинается весна. Сія богиня хотя и скрывается иногда, но въ свое время появляется снова въ прежней своей молодости. Изображается она прекрасною дѣвицею, одетою въ легкое бѣлое Русское платьѣ, подпоясанною поясомъ розовымъ, переплешеннымъ золотомъ: на головѣ у нее изъ розъ вѣнокъ; въ рукахъ держала люлю, нюхаетъ. Грудь ея вся открыта; на шеѣ ожерелье изъ цукорей. Перевязь черезъ плечо цвѣтчатая. Ей приносили были въ жертву цвѣтны, кои собирая въ ковшницы, посвящали предъ ея кумиромъ, равно какъ и капище въ ея праздники убиралось и усыпалось цвѣтами. Въ богиню сію, равно какъ и въ дары ея, всегда влябленъ *Догода*.

Зимерзла *).

Богиня суровая, дышущая холодомъ и морозами. Одежда на ней на подобіе шубы изъ сотканныхъ вѣтвей и неевъ. А какъ она царица зимы, шо порфира на ней изъ снѣга, изшканная ей морозами, чадами ея. На головѣ ледяный вѣнецъ, унизанный градами. Богинѣ сей молились о умѣреніи ея жестоко-
коспи.

*) Симаергла, Зимасрала, Симаргла, Зимарзла, Зимерзла, слова означающія всѣ одно и шоже, ш. е. зиму и мерзнуть.

ПРЕИЗПОДНІЕ

ИЛИ

ПОДЗЕМНЫЕ БОГИ.

Чернобогъ.

Ужасное божество, начало всѣхъ злоключеній и пагубныхъ случаевъ, Чернобогъ изображается облеченнымъ въ броню. Имѣя лице исполненное ярости, онъ держалъ въ рукѣ копье гошное къ поражению, или больше къ нацесению всякихъ золь. Сему страшному Духу приносились въ жертву сверхъ коней, не только пѣнные, но и нарочно ему предоспавленные для сего люди. А какъ всѣ народныя бѣдствія приписывались ему; шо въ шаковыхъ случаяхъ молились и жертвовали ему для опвращенія зла. Сего

ужаснаго лжебога Г. Херасковъ шакъ
описываетъ:

Шумящъ оружіемъ приходилъ Черно-
богъ;

Сей люшый Духъ поля кровавыя оспа-
вилъ

Гдѣ варварствомъ себя и яростью про-
славилъ;

Гдѣ были въ снѣдъ звѣрямъ разбросан-
ны шѣла;

Между профетями гдѣ смерть вѣщцы
пела.

Ему коней своихъ на жершву прино-
сили,

Когда Россіяне побѣдъ себѣ просили.

Сильный богъ, былъ богъ шѣлесной
крѣпости, мужества; Лебъ, богъ
войны, храбрости и военныхъ до-
блесней, богъ побѣдоносныя славы.
Но сіе страшное божество услаждалось
кровопролитіемъ и неисповствомъ.
Тѣмъ воздвигала жершвенники благо-

дарность, какъ бы за низпосланные
ими дары воинскіе, и молились имъ,
прося дашь силу для защиты себя и
опогнанія враговъ: но сему ужасному
Духу сооружалъ храмы Спрахъ и
Ужасъ. Его просили шолько объ оп-
ращенія зла, какъ онаго источникъ;
но благости въ немъ не уповали найши,
и не искали ея.

Изъ нѣкоторыхъ описаній видно,
что храмъ его построилъ былъ изъ
чернаго камня; испуканъ выкованъ
изъ желѣза, предъ коимъ споялъ
жершвенникъ для сожженія ему
жертвъ. Помощъ его храма, сказы-
вающъ, былъ напоенъ кровію: что и
въроашно, когда предшавляли его
себѣ такимъ звѣрскимъ и кровній-
швеннымъ существомъ.

Н і й.

— — зрю огненнаго Нія:
 Въ немъ ада Судію бысть чаяла Россія.
 Онъ пламенный держалъ въ рукахъ на
 грѣшныхъ бичь.

Владиміръ да.

Вложенное въ человека самую природою умопреднавленіе безсмертія души, и надежда жизни по смерти, кою которой щасливое или злополучное соспояніе зависитъ отъ порочной или добродѣтельной настоящей жизни, подало средство всѣмъ народамъ къ вымысленію боговъ мстящихъ по смерти за беззаконія въ сей жизни учиненныя. Равно какъ проведеніемъ здѣсь жизнь своего благочестиво, но гонимыхъ лютымъ рокомъ безъ жалости, и спраждающихъ невинно, награда угошьяемая имъ

въ будущей жизни состояла въ особенныхъ народамъ любимѣйшихъ удовольствіяхъ. Целшійской рай богатырей или Валгалла услаждалъ рыцарской духъ угодниковъ своихъ воинскими играми или бинвами, на коихъ убишые при наступленіи обѣденнаго времени опять пробуждались отъ смертнаго усыпленія, и шли съ обѣдишелями безъ всякой вражды за одинъ столъ, гдѣ угощали ихъ вкуснѣйшими изъ кабаньяго мяса пригошьяенными ясшвами, и подчивали до избытка пивомъ; по окончаніи же обѣда возвращались снова къ рыцарскимъ своимъ упражненіямъ. Но нечестивые всѣ были во власти Мидгара и Ферниса, или самое существованіе ихъ исчезало.

Славяне полагали (по примѣру многихъ другихъ народовъ) мѣсто казни для беззаконниковъ внупри земли.

Судьбою и исполнителемъ казней опредѣляли имъ особеннаго неумолимаго и безжалостнаго бога Нія,

Имѣющаго свой внутри земли престолъ,
И окруженнаго кипящимъ моремъ золь.

Владимириада.

Сей судія мертвыхъ почиался
шакъ же насылашаемъ

— — — — —
ночныхъ ужасныхъ привидѣній.

Владим.

Изъ усныхъ преданій, оставшихся намъ въ старинныхъ сказкахъ, видно, что исуканъ Чернобоговъ былъ выкованъ изъ желѣза. Престолъ его состоялъ изъ краугольный камень изъ чернаго гранита высѣченный. Въ знакъ своего владычія, имѣлъ на головѣ зубчатый вѣнецъ, въ рукѣ свинцовой скипетръ и огневидный бичь.

Жертвовали ему не только кровью животныхъ, но и человѣческой, особенно же во время какихъ либо общественныхъ злоключеній.

Сприбогъ.

Божество наказывающее беззаконниковъ въ преисподней и бичь злодѣяній въ семь мѣрѣ. Онъ шакъ же изстребитель всего видимаго, подобно Индѣйскому Сибѣ, или разрушителю, почто какъ богъ Животъ сохранитель сходствуетъ съ Индѣйскимъ божествомъ Вишну. Его мести предавались заслужившие проклятіе.

Яга Баба.

Это очень злая, спарая и мощная колдунья или волшебница; видъ у нее страшный. Она не сполько въ адѣ живешъ, сколько на этомъ свѣтѣ. Домъ ея избушка на курьихъ ножкахъ, стоишъ и сама повертывается. Древнѣ наши богатыри всегда ея наживали лежащею на лавкѣ; носъ ея висилъ черезъ грядку (шесилъ въ избѣ для вѣшанья укрѣпленной). Ся спарая колдунья не пѣшкомъ ходилъ, но развѣзжаешъ по бѣлу свѣту въ желѣзной стулѣ*) (т. е. колесницѣ самокаш-

*) Сидура отъ спущать, какъ бы самоходъ: сидура же въ спарину называлась ложкаль; пестилъ же, какъ ется, произошелъ отъ слова пасть, т. е. кулакъ или шылесня, (откуда шылиспущъ значилъ въ прощонарѣчьи ударить кулакомъ) какъ бы пастинное оружіе; точно какъ и палица получала свое начало отъ палъ, въ уменьшительномъ палецѣ (отъ чего образовалось слово палишь, т. е. пропущъ палыдомъ или паломъ собачку).

ной): и когда она въ ней прогуливается, шо понуждаешъ оную бѣжанъ скорѣе, ударяя желѣзною же палицою или пестомъ. А чтобъ для извѣстныхъ ей причинъ не видно было слѣдовъ ея, шо замешаюцца они за нею особенными къ спущѣ придѣланными мѣломъ и помеломъ.

К и к и м о р а.

Богъ сна и ночныхъ привидѣній. Ихъ предспавляли себѣ множешво; а по сему и можно ихъ почешъ за служителей и пословъ Невыхъ. Произхождение имъ даюшъ отъ рода человѣческаго: они живущъ такъ же и въ домахъ; пресполоудины вѣрять, что

они по ночамъ въ пошемажъ пря-
душъ, и хошя ихъ самихъ и не лзя
видѣшь, но утверждающъ, что слыш-
но движеніе верешена. Въ самомъ же
дѣлѣ, или кошка въ шо время курны-
чипъ, или червяки почашъ дерево,
либо ползающъ шпаканы. • Впрочемъ
сїи Духи не опасны: они ни кому не
причиняющъ зла, хошя иногда и без-
покояшъ, однакожъ не сполько какъ
Домовые, кошорыхъ просшой народъ
щипашъ самыми безпокойными про-
казниками. Кикиморы, по мнѣнію
шонкихъ въ сей машерїи знашкочъ,
сущъ рода женскаго, и ошъ сообщенїя
съ домовыми Духами продолжающъ и
свой и послѣднихъ родъ. Въ домажъ
живущъ они будучи шуда посланы на
урочное время: но ошечество ихъ
преизподня.

ВОДНЫЕ БОГИ.

ЦАРЬ МОРСКОЙ.

Владычество надъ морями препоручи-
ли идолопоклонспвующіе Славяне осо-
бенному божеству, назвавъ его Ца-
ремъ морскимъ. Будучи сполько же
древенъ какъ и самое море, имѣешъ
вѣщъ изъ морскаго папоршника;
разъбъжаешъ по морямъ въ раковинѣ
везомой морскими псами: въ одной у
него рукъ весло, знакъ укрощенїя
волнъ, въ другой же острога, знакъ ихъ
возбужденїя. Обишалище его во глу-
бинѣ океана, гдѣ чершог и прешолъ
шакъ изображены Г. Ломоносовымъ:

Въ недосязаемой ошъ смершнихъ
сторонѣ,
Между высокими, кремнишыми го-
рами,
Что мы по зрѣнію обыкли звашъ мѣ-
лями,

Покрытый золотымъ пескомъ про-
 стерся долъ:
 Столпы во кругъ его огромные кри-
 сталлы,
 По коимъ обились прекрасные ко-
 раллы.
 Главы ихъ сложены изъ раковинъ ви-
 шныхъ,
 Превосходящихъ цвѣтъ дуги межъ
 шумъ густыхъ,
 Что кажетъ укроясь намъ громовая
 буря;
 Помостъ изъ аспида и чистаго лазуря.
 Палаты изъ одной изъсѣчены горы;
 Верхи подъ чешуей великихъ рыбъ
 бугры;
 Уборы внутренни покровъ черепокож-
 ныхъ
 Безчисленныхъ звѣрей во глубинѣ воз-
 можныхъ.
 Тамъ шронъ жемчугами усыпанный
 янтарь,
 На немъ сидишь волнамъ съдымъ
 подобный Царь.

Въ заливы, въ океанъ десницу проспи-
 раешь,
 Сафирнымъ скипетромъ водамъ по-
 велъваешь.
 Одежда царская, порфира и виссонъ,
 Что сильныя моря несущи ему предъ
 шронъ.

Петръ I да.

Его особенно чтили приморскіе Сла-
 вяне, Варяги, и. е. морскіе набѣдники,
 умоляя о щасливомъ по волнамъ пла-
 ваніи.

Чудо Морское.

Служитель и вѣспникъ Царя морскаго. Сныи кажешся бышь совершенно подобенъ Трипону Грековъ.

Полудухи.

Сіе общее названіе даю я такимъ мечпаемымъ существамъ, коихъ воображали себѣ ни совѣмъ безтѣлесными, ни тѣлесными, и кои какъ бы въ своихъ стихіяхъ обитали, иные же въ лѣсахъ, въ рѣкахъ, въ омушахъ и проч. Они супъ:

ЛѢШІЕ, обитатели и хранители лѣсовъ. Сіи особливаго свойства. Когда идушь по лѣсу, шо равны съ лѣсомъ; когда же по правѣ, равны съправою: а иногда являюшся они людамъ въ образѣ человѣческомъ.

ВОДЯНЫЕ ДУХИ, или Дѣдушки живушь въ глубокихъ мѣстахъ рѣкъ, гдѣ имѣюшъ великолѣпные дома. Они уносяшъ купающихся по шѣмъ мѣстамъ людей, особливо же мальчиковъ, коихъ и пріучаюшъ жить у себя въ домахъ; а сіи въ послѣдствіи времени заснуаюшъ сами мѣсто сихъ дѣдушекъ. Равно какъ и лѣшіе уносяшъ молодыхъ дѣшей, и воспинавш ихъ въ своихъ лѣсныхъ обитателяхъ, дѣлаюшъ по себѣ преемниками.

ДОМОВЫЕ, кои живушь въ домахъ и дворахъ. Ежели въ кошоромъ дому Домовой полюбишь хозяина, шо кормишь и холишь его лошадей, о всемъ печешся, и у самого хозяина бороду плешешъ въ косы. Чей же домъ не полюбишь, шамъ раззорешъ хозяина въ корень, переводя у него скопъ, безпокая его по ночамъ, и ломая все въ домѣ.

РУСАЛКИ, полудухи женскаго рода. Живушъ они обыкновенно въ рѣчкахъ, изъ которыхъ часно выходятъ въ красную погоду на берегъ, гдѣ сидя, чешушъ свои зеленые волосы гребнемъ; но лишь запримѣнюгъ кого либо идущаго, пошчасъ бросающся на дно ручьевъ.

Богатыри.

Они почишаемы были не какъ боги, но какъ люди, одаренные предъ прочими вышними дарами неба, или какъ у Грековъ ихъ полубоги. Таковыя были:

ВОЛОТЫ.

Исполиты непомѣрной величины и силы. Изъ сказокъ древнихъ видно,

что сверхъ силы, имѣли они еще даръ неуязвимости. Впрочемъ замѣнить должно, что древніе Славяне подъ именемъ Волошовъ разумѣли Римлянъ. Слава силы и могущества Римскаго народа, представила ихъ воображенію оныхъ великанами; а потому и надѣлали себѣ изъ Римлянъ особенныхъ великорослыхъ непобѣдимыхъ существъ.

ПОЛКАНЪ.

Такъ же богатырь, но только чуднаго пѣлосложенія. Онъ до половины былъ мужъ; а отъ пояса до низа конь. Бѣгалъ крайне быспро; облеченъ былъ въ лапы; сражался спрѣлами. Кажется что многіе были Полканы.

СЛАВЯНЪ.

Князь Славянъ, братъ Вандаля, почишался полубогомъ. Ему приписыва-

ли силу, мужество и храбрость чрезвычайныя. Онъ по прибытіи съ своимъ родомъ и Славянами посироилъ на рѣкѣ Волховѣ городъ Славянскъ; по разореніи коего Варягами, чрезъ нѣсколько времени снова былъ сооруженъ, но уже подъ именемъ *Дѣшинца* *); по разрушеніи же Дѣшинца, воздвигнутъ былъ на его мѣсто *Новъ-городъ*.

ВОЛХВЪ съ братьями.

Волхвъ съ братьями Волховцемъ и Рудопокомъ были дѣши Славена, всѣ

шрое богатыри. Но Волхвъ былъ великой волшебникъ. Онъ не только разбѣжалъ по рѣкѣ Волхову, шакъ по имени его названной, а до того именовавшейся рѣкою Мушною, и по Русскому морю, но даже плавалъ для добычи и въ Варяжское морѣ. Когда же онъ былъ въ Славянскѣ, по приближеніи непріятелей, оборачиваясь въ великаго змѣя, ложился онъ берега до берега поперегъ рѣки, и тогда не только ни кто не могъ проѣхать по оной, но даже и спасшисъ не было возможности.

*) Такъ названнаго онъ дѣшины или мальчика: заложивши Славяне городъ, пишемъ въ летописи Новгородскій Лѣтописецъ, не могли согласиться между собою, какое дать ему имя; почему и положено было на вѣчѣ назвать городъ по имени того, кто первый идучи по опредѣленной дорогѣ попадетъ я. И шакъ, принесши жертву и обѣты богамъ, посланные ониправились въ путь, и возвращаясь на другой день къ собранному градоначальству, представили ему мальчика (древ. дѣшинецъ), котораго они прежде всего встрѣтили: почему и дали городу названіе Дѣшинца.

Озера: ИЛЬМЕРЬ и СТУДЕНЕЦЪ —
РѢКИ: БУГЬ и ДОНЬ

были обожаемы на равнѣ съ прочими божествами. Имъ посвящены были огромнѣйшіе по берегамъ черныя лѣса, куда подъ смертною казнію не только не ошваживался заходить спирѣлокъ или шицеловъ для своихъ промысловъ, а рыбаки ошнюдь не дерзали ловить рыбу, но и самую воду не иначе дозволялось изъ нихъ черпать береговымъ жипелямъ, какъ чтобъ шо были число убранныя въ цѣбныя одежды молодыя дѣвы, кошорыя брали воду съ благоговѣніемъ и глубокимъ молчаніемъ. Си красныя молодицы вѣрили что священные лѣса преисполнены не скромными духами, кошорыя всякое громкое слово, какъ знакъ неуваженія къ божеству, переносили блосшпше-

лямъ языческой религіи, а кропкѣ вздохи любви нашепывали въ уши любовниковъ ихъ. Въ жершву имъ приносился предпочтительнѣе пучный волъ по цѣвшу водъ, когда онъ ужаснымъ ревомъ волнъ своихъ и завываніемъ свирѣныхъ вѣтровъ наводили ужасъ на людей, предрѣкавшихъ себѣ изъ того пагубу. Храмовъ въ честь обоженныхъ рѣкъ и озеръ древнѣ Славяне не строили; но священнодѣйствія ошправлялись обыкновенно на берегу. Великолѣпнѣйшія шоржествованія производились весною, когда воды, разрушивъ зимнія свои оковы, являлись изумасненнымъ обожателямъ своимъ въ полномъ величій. Народъ падалъ ницъ. Моленія начинались. Погружали людей въ воду съ великими обрядами; энтузіасты же религіи въ жару усердія своего добровольно шопились въ священной рѣкъ или озеръ изъ

благоговѣнія. Оспрыжки уцѣлевшіе до насъ изъ старинныхъ рукописей и прослонародныхъ пѣсенъ въ честь водныхъ божествъ, подтверждающъ сказанное мною здѣсь, а Ломоносовъ думаетъ, что Славяне и самое названіе Бога произвели отъ священной рѣчки Буга.

К О Н Е Ц Ъ.

Храмъ Свѣшоваида.

Мерцана еще покоилась въ объятіяхъ Царя водъ; Часы сперегли входъ и выходъ изъ Солнцева дому, и присноуный Свѣшовидъ на златомъ ложѣ покоился въ объятіяхъ Триглы, какъ Рурикъ съ Олегомъ восходящъ на освященной холмъ, гдѣ восносился храмъ Свѣшоваида. Храмъ величественный и достойный бога, славимаго въ немъ! Первосвященникъ Свѣшовидовъ, Боговѣдъ, сопутствуемый жрецами, грядетъ ему во срѣщеніе. Рурикъ прислушаетъ ко врачамъ храма; но удивляется, видя ихъ затворенными. „Они не могутъ бытъ опроверсны, говоритъ Боговѣдъ, доколѣ первые лучи солнца не ударятъ въ лице бога; и тогда гласъ трубный возвѣститъ присутствіе его. Когда же послѣдній лучъ сойдетъ съ лица Свѣ-

швидова, гласъ заунывнаго рога и глухаго бубна возвѣщають о сокрытии ошв насъ благошпорнаго свѣшнаа. День мрачный въ нашихъ законахъ равенъ ноци.“ — Ночь была свѣшная и подобная зимнему дню, когда солнце слабыми лучами сквозь иней сіяещь.

Князь, въ ожиданіи первыхъ на обзоръ *) лучей, пошелъ вокругъ храма, желая осмошрѣшь его. Съ долу онъ казался ему не великъ; но Рурикъ удивился, нашедши его огромнымъ. Онъ былъ окруженіемъ въ 1460 шаговъ. Двенадцать огромныхъ яшмовыхъ столповъ Коринтскаго чина поддерживали навѣсъ его кровли; оглавля ихъ были изъ позлащенной мѣди. Триста шестьдесятъ оконъ и двенадцать вратъ его заключались мѣдными запорами. При каждахъ дверяхъ

*) Изъ смысла видно, что чрезъ сіе слово древніе разумѣли горизонтъ.

стояли два жреца съ шрубями. Намѣдныхъ врапахъ изображались двенадцать знаменитыхъ добраго бога подвиговъ: какъ для пользы нагихъ людей онъ произвелъ овна, копорой въ то же мгновеніе устремился къ нимъ, да предложивъ имъ свою волну; какъ, усмиривъ вола неукротимаго и давъ имъ во служеніе, избрѣлъ для нихъ плугъ и всѣ земледѣльческія орудія; какъ сражаещя и побѣждаетъ Чернаго бога, похищившаго чадъ его; близнецовъ Дажбога и Зимцерлу. Тамовидно Морское Чудо, чадо Чернобога, какъ оно, обратившись въ великаго рака, хочещь похитить Солнце; но опасенное жгущими его лучами, упадаещь — и сильнымъ ударомъ своего хребта разорываещь какъ каплю пещуцій Волховъ, и здѣлавъ въ землѣ отверстіе, производить море Русское. Здѣсь ужасный левъ, съ мѣднымъ

хвостомъ и алмазными зубами, похищаетъ у Велеса скотъ, и сего бога приводитъ въ препенъ; но Свѣшовидъ разитъ его единымъ ударомъ злшаго *самолька*, беретъ хвостъ его (изъ коего родились полозы) и зубы, и помѣщаетъ на небѣ, гдѣ доныцѣ видимъ ихъ и называемъ львомъ. Тутъ изображена любовь его съ прекрасною Триглавою, и шезаніе Чернобога, влюбленнаго въ нее. Свѣшовидъ, играя на гусляхъ, поетъ ей ибжнныя спихи; она его вбнчаетъ васильковымъ вбнкомъ, а вокругъ ихъ пляшутъ Зимцерла, Лада, Сѣва и Мерцана. Румянощекая Дидилѣя, съ распушенными злшными волосами, въ алой легкой ризѣ, подноситъ имъ въ алмазной чашѣ злшый небесный медъ, пише боговъ. Леля, сидя подлѣ гуслей, слушаетъ и лукаво улыбаешся. Дидо, взвившись на воздухъ, пускаетъ тяжелья стрѣ-

лы въ Чернобога. Вѣль-богъ, носяся надъ ними на облакѣ, пріятно усмѣхается. Тамъ Перунъ держитъ великіе вѣсы, ниспущенные имъ съ неба для рбщенія жестокой распри между Вѣльбогомъ и чадами его, и между Чернобогомъ и чадами его; когда начиналась между ими жестокая брань, долженствовала разрушитъ міръ; когда Ній въ неисповсѣвъ пошрясалъ землею, извергая изъ нее пламя, — Чудо Морское колебало берегами, и Яга, дщерь Чернобога, вооруженная желѣзною палицею, развѣзжала на крылатой своей колесницѣ, и сбивала съ мѣстъ горы. Но великій Перунъ желалъ примиритъ ихъ и послалъ одну изъ служащихъ ему Молній, да возвспинитъ волю его. Тогда родъ Вѣль-бога возвѣлъ въ единую чашу вѣсовъ, а родъ Чернобога въ другую. Перунъ поднялъ вѣсы, и чаша съ Чернобогомъ возне-

слаеъ выше темныхъ облаковъ; но ча-
ша съ чадами Бѣлаго оспалась на зем-
ли. — Въ другомъ мѣстѣ видно было,
какъ Свѣшовидъ поразилъ великаго
Скорпиона, когда сей похитилъ его
дщерь Зимцерлу, оплакиваемую Даж-
богомъ. Ній, зря его, опѣ страха со-
крылся, и Свѣшовидъ возвратилъ Даж-
богу его сеспру и супругу. Но злобный
Ній, ошмцадъ ему за сіе, низпустилъ
на землю ночь, лютые мразы, сѣбги,
мяшелицы. Свѣшовидъ, поразивъ
всѣхъ ихъ знаыми стрѣлами, про-
гналъ назадъ въ обласъ Нія. Ній, пы-
лая еще пропивъ него гѣвомъ, пос-
лалъ домового духа, да умершвилъ
любимыхъ его коней; но Свѣшовидъ
создалъ сребророгатаго и волносребри-
стаго смѣлаго козла, и пушилъ для
испреленія сего духа. — На деся-
тихъ дверяхъ изображенъ богъ свѣша
люющій съ горъ, изъ знаыхъ водоно-

совъ, обильную воду, опѣ которой
прѣмлюшъ начало рѣки: Вога,
Днѣпръ, Двина, Донъ и славное озеро
Ильмень. Онъ населяешъ ихъ рыба-
ми, пуская каждого рода по двойцѣ.
Завидуя сему, Морской Царь послалъ
киша пожращъ ихъ; но Стриба по-
разилъ его тогда же изобрѣшенною
оспрогою, и вынувъ, положилъ на
помѣ мѣстѣ, гдѣ стоитъ храмъ Свѣ-
шовидовъ; холмъ соснавился изъ ки-
шова праха. — Таковы были изобра-
женія на дверяхъ. Храмъ сооруженъ
былъ изъ свѣшлосѣраго дикаго камня.
Свѣсы опѣ стѣны до сполковъ измѣ-
рялись двумя большими шагами, имѣя
шесть ступеней восходу. Кровля,
полушаромъ, состояла изъ вызолочен-
ной мѣди. Посреди ея сполалъ мѣдный
позолоченный испукавъ Свѣшовида;
по краямъ, на чепыре спороны, по-
спавлены были чепыре испукана,

изсѣченные изъ бѣлаго мрамора. На воспокѣ испуканъ Мерцаны, богини, влашвующей надъ началомъ дня и предшесивующей всегда Солнцу, дочери Дажбога и Зимцерлы, богини вены, супруги Царя Морскаго; ея должностъ была опроверзать Свѣшовиду враща небеснаго дому его, когда онъ показывался въ мѣрѣ. Свѣшовидъ для оплчїя даровалъ ей вѣнецъ изъ единныя звѣзды; и риза ея златобагряна. Радостъ всегда блискала на румяныхъ ея ланипахъ, и она въ пирахъ подносила богамъ небесный медъ. Мерцана, равно какъ и Свѣшовидъ, присноюна. На югѣ поспавленъ былъ испуканъ Купалы, сына Мерцаны и Сѣвы. Онъ имѣлъ видъ молодаго челоука, въ коронкѣ и легкой одеждѣ. Огнь плодшворенїя пылалъ въ его очахъ; чему шолько касался, все рождало: не шолько звѣри, скошны, рыбы

и гады, но даже дерева и шправы. Онъ имѣлъ обипалище на югѣ. Жершвовали ему возженемъ шолько прупшвѣвъ, съ пѣснями и плясками: чѣмъ изображались огнь плодшворный и веселостъ. Въ ногахъ у него кроликъ; въ рукѣ пламенѣющїй огонь; на головѣ вѣнокъ изъ цвѣтшвъ, именуемыхъ по его имени *жулальницами*. Догода, братъ его, ешь изъ всѣхъ боговъ любезнѣйшїй, кропчайшїй и прекраснѣйшїй. У него развѣваются по плечамъ волосы: вѣнокъ изъ шиповъ; за плечами голубыя крылья, и риза на немъ шпонкая голубая. Улыбка всегда на румяномъ его лицѣ. Онъ шполь всѣми любимъ, чшо смѣло цѣлуешъ самую Ладу; въ рукахъ у него опахало. Свишпаго Позвида испуканъ шшюалъ на сѣверѣ. Лице его въ морщинахъ и сердишо. Голова окушана лоскушомъ кожи бѣлаго медвѣдя; борода замерзлая;

одежда изъ оленьей кожи; ноги обушты въ кожу гагачью. Въ рукахъ держалъ онъ мѣхъ, въ готовности развязать его для изгнанія морозовъ, бурь, сибговъ, градовъ, дождей и непогодъ. Онъ считался богомъ всѣхъ вѣтровъ. Повѣствуютъ, что жилище его есть на краю сѣверномъ, на горахъ Скандинавскихъ, гдѣ онъ имѣетъ свой престолъ, и гдѣ у него множество дѣтей, подобно ему жестокихъ. Сей богъ, будучи сынъ Сильнобога, увеселяется воздымая бури, пощипая корабли, ломая деревья, посылая всюду мразы и непогоды. Онъ пребуенъ почасту себѣ въ жертву людей. — Таковы были чепыре испукана, сподвижте на кровлѣ храма. На холмѣ же разставлено было соразмѣрнымъ образомъ до шрехъ сонъ пшидесяти преугольныхъ жершвенниковъ.

Между шѣмъ какъ Рурикъ раз-

смашривалъ и вопрошалъ Боговѣда о значеніи видѣннаго и.ъ, раздался гласъ шрубъ онъ двенадцати врашъ, и враша онверзлся. . .

Великій первосвященникъ Боговѣдъ вснуилъ во враша западныхъ, одному ему предназначенныя для входа. — Рурикъ съ Олегомъ входяшъ въ храмъ чрезъ враша воспочныя, и божеспвенный спрахъ обвемасъ ихъ душу: они зряшъ лице Сѣшвида сіяющее яко мѣдъ въ горнилѣ. Великій первосвященникъ — по обыкновенію одѣтый въ чепыре шонкіе жипона, одинъ другаго длиннѣе: въ багряный, зеленый, желтый и бѣлый; въ опоясаніи, на коемъ искусно вышиты двенадцать подвиговъ Сѣшвида; въ златомъ вѣнцѣ, украшенномъ семью драгоцѣнными камнями — держалъ въ рукѣ златую чашу, исполненную чистѣйшаго вицнаго духа. Двенадцать окружаю-

щихъ его жрецовъ держали великую серебряную лажань, у коей были при разныхъ ноги: одна на подобіе орла, другая вола, и шрешія кшпа. Прочіе жрецы соспавляли семь поющихъ ликовъ и двенадцать ликовъ въ трубы и роги трубящихъ и бьющихъ въ бубны, и чешыре лика на струнахъ и гусляхъ играющіе. Тогда великій перво-священникъ, подшедъ къ престолу, сгналъ на колѣна, и вознесши златую чашу, чинилъ молишвы; послѣ прикоснулся чашею къ рогу, находящемуся въ рукѣ Свѣшоваида: духъ винный воспылалъ, и пошряслися своды ошъ гласа трубъ и роговъ, ошъ звука бубновъ, ошъ звона струнъ, гуслей и орудій, и ошъ гласовъ пѣвцовъ, восклицавшихъ: слава! Между шѣмъ Боговѣдъ поднесъ пылающую чашу Князю, кошорый, принявъ ее, излилъ въ серебряную лажань — и звилося предъ бо-

гомъ лазуревое пламя жершвы благо-угодной. И шогда семь ликовъ, ходя кругомъ единъ по единому, предводи-мые первымъ пѣсношворцемъ, шако воспѣли:

Первый ликъ и оборошъ.

Ясень мѣсяцъ во полуночи,
Звѣзды ярко блестящъ ношню;
Мѣсяцъ сребрищъ воды темныя,
Звѣзды злапшящъ небо синее;
Только грѣтъ одно солнце ясное.

Вшорый ликъ и оборошъ.

Грѣтъ оно и пипаетъ насъ;
Позвиздъ его ушрашаешя;
Взглянешъ — Зимерзла бѣжитъ ошъ
глазъ, —

И Зимцерла къ намъ спускаешя.
Какъ благодѣшельно для насъ оно!

Трешій ликъ и оборошъ.

При востокъ его видѣтъ радостно:
Когда на обзорѣ появляешя,

Дверь злая погда отвергается
 Велѣнныхъ черноговь его,
 Онъ изъ перема идетъ высокаго,
 Изъ высокаго, изъ небснаго,
 Какъ могучій випязь съ побѣдою.
 Свѣповидъ! мы шебъ покланяемся!

Четвертый лихъ и оборотъ.

Какъ здѣсь вся тварь весела,
 Вспрѣшивъ отца и царя!
 Главы подбѣмлютъ древа;
 Освѣжились цвѣшкы и права;
 Пшички порхають, поють,
 Славу и честь воздають,
 Имя швое вознося.

Пятый лихъ и оборотъ.

Отъ радости шрепещутъ
 Поля спеклистыхъ воды;
 Лды свѣшлы искры мещутъ,
 Узря его приходъ. . . .
 Ему лѣсь покланяется,
 Сырь боръ къ землѣ преклоняется;

Листьебъ вѣпръ не шевелишь,
 И дуброва не шумить;
 Рѣкъ пороги лишь гласятъ:
 „Великъ, великъ Свѣповидъ!“

Шестой лихъ и оборотъ.

Боги велики; но страшень Перунъ!
 Ужась наводитъ тяжела стопа,
 Какъ онъ, въ предшествѣи спрашной
 грозы,
 Мракомъ одѣяя, вихрьми повить,
 Грозцыя шучи ведешь за собою;
 Сшупишь на облакъ — огонь изъ-подъ
 стопъ;

Ризой махнешъ — побагровѣшь твердь;
 Ваглянешъ на земля — шрепещеть земля;
 Ваглянешъ на море — пѣной кипить;
 Клоняшя горы былинкой предъ нимъ.
 Спрашный свой гнѣбъ ты отъ насъ
 отпраши! . .

Бросишь горель града во штысячу мѣръ,
 Только сшупишь, ужъ за штысячу
 верстъ;

Лишь отъ пяны его облакъ зардѣль,

Сильна спона гуль глухой издала
 (Онѣ землю и море потрясь!)
 И се послѣдня сверкнула пола! . . .
 Тихій, любезный Свѣшповидѣ! возвра-
 щися,
 Насѣ безпомощныхъ и сирыхъ утѣшь! . . .
 Мило, какъ онѣ ослабляется намѣ,
 Шествуя въ бѣдспвахъ утѣшишь лю-
 дей.

Седьмой лихъ и оборотѣ.

Почитаемы небожителѣ
 За ихъ доблести и могущество;
 Но всѣхъ доблестей превосходнѣе
 Добродѣшелъ съ милоспью, съ кропо-
 спью;
 Въ милосердїи всемогущество,
 Всемогущество Свѣшповидово.
 Царю звѣздъ, тебѣ покланяемся,
 Предѣ шобою мы повергаемся! —

Хоръ.

Только грѣшѣ одно солнце ясное.
 Какъ благодѣшельно къ намѣ оно! —

Свѣшповидѣ! мы тебѣ покланяемся,
 Имя швое вознося.
 Колю великѣ, великѣ Свѣшповидѣ,
 Шествуя въ бѣдспвахъ утѣшишь лю-
 дей!
 Царю звѣздъ, тебѣ покланяемся,
 Предѣ шобою мы повергаемся!

Посемѣ двенадцашъ ликовѣ, игра-
 ющихъ на трубахъ, рогахъ и буб-
 нахъ, окружили внушренность храма,
 воспѣвая въ честь Свѣшповида шоржес-
 швенныя пѣсни.

Скончалось громкое шрубоглашенїе,
 и вошли чепыре младшя дѣвы; у каж-
 дой въ рукахъ по кошницѣ. Одна бы-
 ла въ багрянномѣ плашьѣ, имѣя чрезъ
 плечо голубое препоясанїе; голова
 убрана шполишшвенными шшиками.
 Другая въ зеленомѣ, имѣя перевязь
 красную, на головѣ вѣнокъ изъ мир-
 шовъ; шрешя въ златоцѣвѣшномѣ,

имѣя вѣнокъ изъ класовъ и багровую перевязь; чешвертая въ бѣломъ плашѣ, въ серебряномъ увяслѣ (діадимѣ), перевязь золошная. Первая, ставъ на колѣна, и вынувъ изъ кошницы цвѣтны, рассыпала ихъ предъ Свѣшвидомъ; другая предложила разные плоды; прешія класы и виноградъ; чешвертая златый вѣнецъ. Вскорѣ спрунное играніе и пѣніе началось, и каждый ликъ сперва игралъ особенно, и каждая дѣва особенно предъ Свѣшвидомъ плясала; потомъ всѣ чешыре лика соединясь играли пѣсни, и чешыре дѣвы плясали.

Лице Свѣшвида становилось свѣшлѣе; по окончаніи пляски испуганъ поколебался. Первосвященникъ, двенадцать жрецовъ, ликовспвующіе, пѣвцы, игратели, трубгласители, предстоящіе пророки и шворцы пали на землю; и тогда рекъ Свѣшвидъ:

Имя твое есть отъ запада и до востока,

И отъ предѣлъ моихъ къ сѣверу твоей
есть предѣлъ;

Слава твоя да наполнишь вселенную;
Яко песокъ на берегу, шако племя
твое;

Тысящью лѣтъ изочту я твоей вѣкъ;
И да поклонится всякій шебъ чело-
вѣкъ!

Пѣсношворцы собрали глаголы сіи, написали на златой дскѣ и вручили Рурику; онъ, прочитавъ ихъ, ошдалъ для исполкованія пророкамъ.

Тогда лице Свѣшвида ушрашило сянїе, и лики возгласили опшешствїе его на трубахъ, рогахъ и бубнахъ. Щедрый и набожный Рурикъ велѣлъ на всѣхъ жерпленникахъ принести Свѣшвиду по бѣлому волу, и жерпвенныя мяса раздѣлишь войску и народу. — Олсгъ шешповалъ исполнишь

сіе; великій же Князь съ Боговѣдомъ
пошлѣ въ чертогъ свой, для собесѣ-
дованія съ первосвященникомъ о всемъ
видѣнномъ, и для свѣдѣнія ошъ него
сущности вѣры Славянъ.

К О Н Е Ц Ъ .
